SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Михаил Александрович Энгельгардт
  -
  - ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
  - ГЛАВА II. ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЯМ
  - ГЛАВА III. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АЗИЮ
  - ГЛАВА IV. ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В АЗИЮ
  - ГЛАВА V. ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. – ИТОГИ
  - ГЛАВА VI. ХАРАКТЕР И ВЗГЛЯДЫ ПРЖЕВАЛЬСКОГО
  - ГЛАВА VII. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ И КОНЧИНА ПРЖЕВАЛЬСКОГО
  - ИСТОЧНИКИ
- notes
  - 1

Михаил Александрович Энгельгардт Николай Пржевальский. Его жизнь и путешествия

Биографический очерк М. А. Энгельгардта

С портретом Пржевальского, гравированным в Лейпциге Геданом, и с географической картой

ГЛАВА I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Происхождение Пржевальского. – Его родители. – Воспитание. – Окружающая среда. – Вгимназии. – Гимназические порядки. – Увлечение военной службой. – Служба в полку. – Армейская жизнь. – Переход в академию. – Служба в Польше. – Мечты о путешествии и переход в Варшаву

Во второй половине XVI столетия запорожец Корнило Паровальский поступил на службу к полякам, принял фамилию Пржевальский, и, отличившись во многих битвах, получил шляхетство, герб и имения. Потомки его перешли в католичество, но один из них, Казимир Пржевальский, бежал из иезуитской школы, в которой воспитывался, и вернулся к православию, приняв имя Кузьма.

Его сын, Михаил Кузьмич, отец знаменитого путешественника, служил в русской армии, усмирял польских мятежников в 1832 году, а четыре года спустя, вследствие расстроенного здоровья, вышел в отставку и поселился у отца, управлявшего имением в Ельнинском уезде Смоленской губернии. Тут познакомился он с соседями – богатой семьей неких господ Каретниковых, младшая дочь которых, Елена Алексеевна, девушка красивая, умная, энергичная и настойчивая, сильно ему полюбилась.

Отставной поручик, бедный, болезненный и некрасивый (он был высокого роста, худой, бледный, с мутными глазами и колтуном на голове) не мог назваться завидным женихом. Тем не менее, увлечение было взаимным, и родители Елены Алексеевны, возмутившиеся было притязаниями Пржевальского и отказавшие ему от дома, в конце концов уступили и согласились на брак, который и состоялся в 1838 году.

Сначала молодые жили в имении Каретниковых Кимборове, где у них родился – 31 мая 1839 года – сын Николай, будущий исследователь Азии; потом переселились в усадьбу Отрадное, принадлежавшую Елене Алексеевне. Здесь провел свое детство наш знаменитый путешественник – в среде, не особенно благоприятствовавшей духовному развитию.

Родители его стояли вдалеке от умственного движения своей эпохи: это было довольно заурядное помещичье семейство старого закала – скромное, честное, благочестивое, с весьма ограниченным кругом интересов. Об отце мы знаем немного: он был “человеком практичным и решительным”. Дети его не

помнили: он умер в 1846 году, когда старшему сыну не исполнилось еще восьми лет. Мать – женщина характера твердого и крутого – вела дом и хозяйство по старинке. Состояние ее – около тысячи десятин земли и 105 душ крестьян – давало возможность вести сытую, но скромную жизнь. По смерти мужа она осталась полновластной хозяйкой. Вторым лицом после барыни была нянька Макарьевна, она же ключница и экономка – тип, не раз изображавшийся в нашей литературе: преданная до самозабвения господам, сварливая и злая для своей братии – крепостных. Пуще всего допекала она дворовых девушек, строго наблюдая за их поведением (сама она осталась незамужней) и донося барыне в случае “греха”. Виновную выдавали за первого попавшегося мужика – по уставу старопомещичьей морали.

Она смотрела за паничами, баловала их, подкармливала сластями и яблоками, рассказывала сказки и так далее. “Из всех сказок,– говорит Пржевальский,– особенно нравилась мне, мальчику непокорному и шаловливому, “Иван, великий охотник”; бывало, как только закапризничаю, нянька и говорит: “Хочешь, я расскажу тебе об Иване, великом охотнике?” – и я тотчас стихаю”.

Пржевальский любил ее и со свойственным ему постоянством в привязанностях сохранил эту любовь в течение всей жизни. Он не замечал ее злобного отношения к окружающим, но высоко ценил ее нелицемерную преданность господам, какой не встретишь “в нынешнее огульно развратное время”, как он выражался.

“Рос я в деревне дикарем,– рассказывает он,– воспитание было самое спартанское, я мог выходить из дома во всякую погоду”. Дети мокли под дождем, бегали по снегу, гуляли одни в лесу, где водились и медведи, лазили по деревьям – словом, пользовались большою свободой. Но и потачки им не давалось: мать относилась к ним очень строго, розги играли выдающуюся роль в ее педагогике, и будущему путешественнику досталось их немало: он уродился порядочным сорванцом, и за свои проказы получал неукоснительное воздаяние по предписаниям Домостроя. Это, впрочем, не портило семейных отношений: напротив, Пржевальский нежно любил свою мать и всегда вспоминал о ней с благодарностью. Она да нянька Макарьевна – едва ли не единственные женщины, к которым он, заклятый женоненавистник, относился с искренним уважением.

Воспитание и окружающая среда имеют большее или меньшее значение для человека в зависимости от его прирожденных свойств. Одни поддаются внешним воздействиям легче, другие труднее: Пржевальский принадлежал к числу последних. Натура стойкая, неподатливая, упорная – он с юных

лет обнаруживал замечательную самостоятельность и всегда был “сам по себе”. Но и самые неподатливые люди не могут вполне освободиться от внешних влияний. “Спартанское воспитание” не прошло для него бесследно: некоторая грубоватость характера, неприятно поражавшая многих, кто сталкивался с ним впоследствии, развилась под влиянием грубой среды.

На пятом году засадили его за ученье – в день пророка Наума, 1 декабря, потому что “пророк Наум наставляет на ум”. Учителем был дядя Павел Алексеевич, брат Елены Алексеевны, промотавший собственное имение и приютившийся у сестры. Человек беспечный и страстный охотник, он представлял легкомысленный элемент в их суровой, ветхозаветной семье, но имел благотворное влияние на своих питомцев (Николая Михайловича и его брата Владимира), обучая их не только грамоте и французскому языку, но также стрельбе и охоте. “Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями,– рассказывает Пржевальский.– Потом из лука, а лет в двенадцать получил настоящее ружье. Руководителем в охоте был мой дядя, Павел Алексеевич Каретников, который, помимо охоты, имел другую страсть – запивал время от времени, и тогда на охоту не ходил”. Под его влиянием развивалась в мальчике рано пробудившаяся любовь к природе, превратившаяся наконец в истинную страсть и создавшая из него путешественника-натуралиста .

Года через два стали приглашать учителей-семинаристов, которые, впрочем, плохо соответствовали своему назначению и часто менялись. Наконец попался сносный ментор, подготовивший мальчиков в училище.

Мать хотела отдать их в кадетский корпус, но это не удалось, и она отправила их в Смоленск, где они были приняты во второй класс гимназии.

В Смоленске вели они очень скромную жизнь, помещаясь на квартире, стоившей два рубля в месяц, под присмотром крепостного дядьки Игната, который водил их в гимназию и сопровождал на прогулках.

Николай Пржевальский был хорошим товарищем, но близких друзей не имел. Сверстники невольно подчинялись его влиянию: он был коноводом своего класса. Он всегда заступался за новичков – черта, свидетельствующая не только о великодушии, но и о независимом характере: в то время травля новичков считалась как бы священной обязанностью,– надо же “отшлифовать” парня, рассуждали товарищи… Но Пржевальский, как мы сказали, был сам по себе.

Ученье давалось ему легко: он обладал изумительной

памятью – качество очень важное при тогдашней системе преподавания. Нелюбимым предметом его была математика, но и тут выручала память: “ему всегда ясно представлялась и страница книги, где был ответ на заданные вопросы, и каким шрифтом она напечатана, и какие буквы на геометрическом чертеже, и сами формулы со всеми их буквами и знаками”.

Живое воображение и феноменальная память определили весь склад его ума. Он, как сам выражался, мыслил образами. Суждения его о тех или других явлениях складывались непосредственно, интуитивно; он скорее смотрел и видел, чем думал и заключал. Ясный и здравый ум помогал ему быстро ориентироваться и схватывать сущность явления; книги и письма его полны метких замечаний, блестящих характеристик; но, полагаясь на первое впечатление, он нередко впадал в поверхностные суждения, образчики которых увидим ниже.

Как противовес слишком одностороннему развитию памяти и воображения, было бы полезно развитие склонности к отвлеченному мышлению, но гимназия не могла оказать влияния в этом отношении.

Каникулы, тянувшиеся очень долго, с мая до октября и даже ноября, мальчики проводили дома, в Отрадном. Они помещались с дядей во флигеле, куда приходили только на ночь, проводя весь день на охоте и рыбной ловле. Это была бесспорно полезнейшая часть в воспитании будущего путешественника. Под влиянием жизни в лесу, на воздухе закалялось и крепло здоровье; развивались энергия, неутомимость, выносливость, изощрялась наблюдательность, росла и укреплялась любовь к природе, придавшая всей его жизни такую своеобразную окраску.

Зато книжная сторона его воспитания сильно хромала. Литературу в доме его родителей заменяли лубочные издания, покупаемые у коробейников. В числе прочей дребедени попалась ему книжка “Воин без страха”, сыгравшая немаловажную роль в его жизни. “Написанная прекрасным языком” и рисовавшая воинские добродетели самыми яркими красками, она произвела на него глубокое впечатление. Рассказы о севастопольских подвигах тоже кружили ему голову, и в конце концов он решил поступить на военную службу.

Гимназическое воспитание кончилось в 1855 году, когда Пржевальскому исполнилось всего шестнадцать лет.

Лето провел он в деревне, занимаясь охотой и рыбной ловлей, а осенью должен был отправиться в Москву и поступить в полк.

В те времена это было целое путешествие, к которому готовились заблаговременно: ладили экипажи, закупали

необходимые вещи и так далее.

Как ни мечтал Пржевальский о военных подвигах, но расставаться с родительским домом было ему тяжело. В последние дни перед отъездом он сильно тосковал.

“Наконец наступила роковая минута. Меня позвали к матери; я вошел в залу. У большого образа теплилась лампада, а на коленях перед ним молилась моя мать. В углу стояла няня, несколько дворовых, и все плакали. “Станьте здесь и молитесь”,– обратилась ко мне и брату мать. Мы молча исполнили ее приказание. Глубокая тишина водворилась в комнате, изредка прерываемая тяжкими вздохами. Наконец мать встала и взяла образ; я подошел к ней. “Да сохранит тебя Господь Бог во всей твоей жизни”,– сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемые слезы разом брызнули из глаз, и я заплакал как ребенок.

“Прощай, мой голубчик”,– сказала, поцеловав меня, старая няня.– “Прощайте, барин, прощайте! Дай Бог вам счастья!” – слышалось со всех сторон. Да, это была минута тяжкого испытания; я не забуду ее никогда” (Пржевальский. Воспоминания охотника).

По приезде в Москву Пржевальский поступил унтер-офицером в Рязанский пехотный полк.

Вскоре после этого он был переведен прапорщиком в Полоцкий пехотный полк, стоявший в городе Белом Смоленской губернии. Он скоро разочаровался в военной жизни. Окружающая среда тяготила его: недовольство, которое она возбуждала в нем, усиливало его любовь к природе, к одинокой и привольной жизни среди лесов. Жажда дела разумного и плодотворного не оставляла его,– но где найти это дело? Куда приложить свои силы? Полковая жизнь не давала ответа на вопросы – и Пржевальский снова обращался к природе, уходил в лес, проводил все свободное время на охоте, заинтересовался собиранием растений и начинал мечтать о путешествиях. Так обстановка вырабатывала из него будущего вечного странника.

С другой стороны, грубость и низменность окружающего общества не могли не развивать в нем известного презрения к людям. Он приучался к мысли, что это – грубое и дикое стадо, для которого необходимы кулак и палка.

“Я невольно задавал себе вопрос: где же нравственное совершенство человека, где бескорыстие и благородство его поступков, где те высокие идеалы, перед которыми я привык благоговеть с детства? И не мог дать себе удовлетворительного ответа на эти вопросы, и каждый месяц, можно сказать, каждый день дальнейшей жизни убеждал меня в противном, а пять лет,

проведенные на службе, совершенно переменили прежние мои взгляды на жизнь и человека" *(Воспоминания охотника)*.

Ему приходилось так горько, что по временам он уходил в лес и плакал.

Поддержкой в этом тяжелом положении являлись, кроме любви к природе, переписка с матерью и случайные побывки в родном доме. Матери он писал очень часто, сообщая ей о всех мелочах своей военной жизни. То, что было хорошего в его спартанском воспитании – нежная любовь матери, сознание долга, твердость в исполнении обязанностей, которые она старалась привить детям,– оказали здесь благотворное влияние.

Материальное положение Пржевальского было незавидным – особенно в первое время службы. Собственных денег имелось мало, а содержали юнкеров плохо.

Но материальные невзгоды еще не так угнетали его, как нравственная неудовлетворенность. Долго он терпел ее, утешаясь охотой и чтением – преимущественно исторических книг и путешествий,– но наконец решился выйти из своего безотрадного положения.

"Прослужив пять лет в армии, протаскавшись в караулы, по всевозможным гауптвахтам, на стрельбу со взводом, я наконец ясно осознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели. Однако эти пять лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года и что в продолжение этого периода в моих понятиях и взглядах на жизнь произошла огромная перемена,– я хорошо понял и изучил то общество, в котором находился".

Пржевальский просил начальство о переводе на Амур, но вместо ответа был посажен на трое суток под арест. Тогда он решил поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. Для этого нужно было сдать экзамен по военным наукам, и Пржевальский ревностно принялся за книги, просиживая над ними часов по шестнадцать в сутки, а для отдыха отправляясь на охоту. Великолепная память помогла ему справиться с предметами, о которых он раньше не имел понятия. Только математика да уставы внушали ему некоторое опасение. Тем не менее, просидев около года над книгами, он отправился в Петербург попытать счастья.

Это был первый шаг вперед от жалкого прозябания в армейском полку к славной и плодотворной карьере знаменитого путешественника. Конечно, до нее было еще далеко, но все же поступление в академию явилось переломом в жизни

Пржевальского.

В Петербург он поехал налегке, заняв у одной знакомой 170 рублей с обязательством возвратить 270. К его великому ужасу, на экзамен в академию явилось 180 человек: он уже решил, что провалится, но несмотря на сильную конкуренцию был принят одним из первых – большинство явившихся оказались плохо подготовленными.

Живя в крайне стесненном материальном положении, нередко впроголодь, он сторонился товарищей, не примыкал ни к какому кружку и распределял время между посещением лекций и чтением книг по истории и естествознанию.

Военными науками он вовсе не интересовался, но на экзаменах вывозила его счастливая память. Прочитав книгу, он мог цитировать слово в слово целые страницы, и притом через несколько лет после того, как книга была прочитана. Однажды, впрочем, ему чуть не пришлось распрощаться с академией. Посланный летом на съемку в Боровской уезд, он занимался все время охотой; съемка оказалась плохой, и только блестящие ответы на устных экзаменах спасли его от исключения.

В это же время началась его литературная деятельность. Нуждаясь в деньгах, он написал статейку *“Воспоминания охотника”,* которая была напечатана в *“Журнале охоты и коннозаводства”.* Денег за нее он не получил, но был несказанно рад, что статья появилась в печати.

Вторым литературным детищем его было *“Военно-статическое обозрение Приамурского края”.* Статья эта, компилятивная и написанная на заданную тему, отличалась, однако, такими достоинствами, таким добросовестным и основательным изучением источников, что обратила на себя внимание Географического общества, которое избрало Пржевальского своим действительным членом.

В 1863 году, в начале польского восстания, офицерам старшего курса академии было объявлено, что тот, кто пожелает отправиться в Польшу, будет выпущен на льготных основаниях. В числе желающих оказался и Пржевальский. В июле 1863 года он был произведен в поручики и назначен полковым адъютантом в свой прежний Полоцкий полк.

В Польше он принимал участие в усмирении мятежа, но, кажется, больше интересовался охотой и книгами. Охотничья страсть едва не сыграла с ним злую шутку: увлекшись преследованием какой-то дичи, он попал однажды в шайку повстанцев и еле успел ускакать от них.

Среди офицеров он пользовался большим уважением за свой прямодушный, рыцарский характер; но и здесь держался

особняком.

Вообще, стремление к одиночеству было у него всегда, начиная с гимназии и кончая последними годами жизни. Не нравились ему суета, шум и дрязги общественной жизни, стеснения, которые она налагает; наконец и характер его, повелительный и не лишенный властолюбия и нетерпимости, препятствовал слишком тесному сближению с людьми. Он был отличный товарищ, радушный хозяин, надежный вождь, заботливый патрон, но окружал себя только такими лицами, над которыми мог господствовать.

В свободное время он усердно занимался, читал, изучал зоологию и ботанику и мечтал о путешествии. В то время его занимала Африка – классическое поприще знаменитых путешественников. Подвиги Ливингстона и Бейкера кружили ему голову. Но до Африки было далеко, да и вообще путешествие казалось несбыточной мечтой безвестному офицеру, без имени, без средств, без протекции. Пока что приходилось искать поприща поскромнее. Жить в провинции ему не хотелось: недостаток средств и учебных пособий давал себя чувствовать все сильнее и сильнее по мере того, как инстинктивная любовь его к природе принимала осмысленный характер. Узнав, что в Варшаве открывается юнкерское училище, он начал хлопотать о переводе, и в декабре 1864 года был назначен туда взводным офицером и вместе с тем – преподавателем истории и географии.

ГЛАВА II. ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЯМ

Пребывание в Варшаве.– Педагогическая деятельность.– Отношение к ученикам.– Образ жизни.—Перевод в Главный штаб.– Командировка в Уссурийский край.– Плавание по Уссури.– Экспедиция в Южно-Уссурийский край.– Весна на озере Ханка.– Восстание хунхузов.—Жизнь в Николаевске-на-Амуре.– Возвращение в Петербург.– Результаты путешествия.– Книга об Уссурийском крае.– Проект экспедиции в Центральную Азию

В Варшаве Пржевальский мог пополнить пробелы в своем образовании: тут к его услугам были и книги, и пособия, и общество специалистов. Двухлетнее пребывание в этом городе было теоретической подготовкой к путешествиям; последовавшая затем экспедиция в Уссурийский край – практической школой, в которой он испробовал свои силы и приобрел необходимый опыт.

Мечты об экспедиции в Африку пришлось оставить: она требовала слишком значительных средств. Внимание Пржевальского обратилось к Азии: здесь тоже открывалось богатое поле для исследований, и путешествие казалось более осуществимым.

В ожидании удобного случая он рьяно принялся за свои новые обязанности. Дело пошло как нельзя лучше. Лекции его имели огромный успех: юнкера из других отделений класса собирались послушать его живую, картинную, энергическую речь. Удивительная память позволяла ему цитировать лучшие страницы из авторов, писавших о трактуемом предмете. Он умел возбудить в своих учениках охоту к знаниям, так что многие из них поступали впоследствии в университет, земледельческую академию и тому подобное: результат красноречивый, если принять во внимание, что в юнкерское училище поступали молодые люди, скорее бежавшие от науки, чем стремившиеся к ней. Только некоторые из коллег Пржевальского были недовольны им и жаловались начальству, что он отбивает у них учеников. Он сформировал училищную библиотеку, руководил чтением юнкеров и пользовался среди них большой популярностью – как за преподавание, так и за безусловную справедливость.

“Система поблажки любимчикам находилась у него в полном отсутствии. Он был вполне беспристрастен и зачастую ставил единицу и нуль самым любимым юнкерам.

Часто посещавшему его и довольно близко к нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй год за неудачу экзамена именно по истории и географии. Сам Пржевальский настоял на этом. Ни слезы матери, ни уверения К., что он будет учиться, ни просьбы за него товарищей и начальников не могли поколебать справедливого решения Пржевальского.

На все докучливые моления он отвечал нам: “Не буду ли я вам, юноши, смешон и жалок после такой уступки? Где же справедливость? Переправив К. двойку на тройку, во имя той же справедливости необходимо сделать это и для А., для Р. и других. Вспомните прекрасные слова: я знаю один народ – человечество, один закон – справедливость”.

Юнкера нередко собирались у него на квартире, состоявшей из трех комнат с очень простым убранством: несколько боковых стульев, простой стол, кровать, ружья и полка с книгами, на которые он тратил большую часть свободных денег. Он был очень радушным и хлебосольным хозяином, любил поесть и накормить гостей до отвалу. Водки не пил и пьянство ненавидел, но был большим охотником до шипучих вод – яблочных, грушевых и так далее, которые держал целыми бочонками. Любил также сладости – “услады”, как он выражался – и закуски. За чаем вместе с хлебом, вареньем, конфетами подавались у него колбасы, сыр, сардинки, яблоки, фиги, финики, а вместо ужина – сельди, семга и лососина.

Ел он много и быстро; копаться и смаковать кушанья по энергическому характеру своему не любил и часто удивлял гостей своих аппетитом.

“Николаю Михайловичу подали большую миску супа. По размерам посуды я думал, что он, вероятно, ожидает кого-нибудь из гостей; но каково было мое удивление, когда между разговорами он уничтожил все содержимое миски, затем налил полстакана красного вина, залпом выпил его, потом стакан сельтерской воды и приказал подать второе блюдо, которое заключалось в подобной же миске, но меньших размеров. В этой миске находилось три куска бифштекса, которые были уничтожены один за другим; при этом повторилось запивание их красным вином пополам с сельтерской водой”.

“Мы никогда не стесняли его и не мешали ему, да он и не принадлежал к числу таких лиц, которые церемонятся. Чутьем мы знали, когда он намеревался заниматься: тогда никто из нас не дерзал войти в ту комнату, где он сидел. В таких случаях брали мы с заветных полок книги и просиживали целые вечера за чтением. Случались и такие дни, когда мы уходили, не видав его, пробыв в его квартире 6—7 часов. Заикин (слуга Пржевальского)

в такие вечера, подавая чай и всевозможные закуски, грозил нам пальцем и говорил беспрерывно шепотом: “Тише, тише, господа юнкаря, Николай Михайлович не уважают шуму, когда в книжку читают”. Затем он наливал чай, клал на тарелку яства и на цыпочках входил безмолвно к своему господину”.

За время пребывания в Варшаве Пржевальский составил учебник географии, по отзывам сведущих в этом деле людей, представляющий большие достоинства, и много занимался историей, зоологией и ботаникой. Среднерусскую флору он изучил очень основательно: составил гербарий из растений Смоленской, Радомской и Варшавской губерний, посещал зоологический музей и ботанический сад, пользовался указаниями известного орнитолога Тачановского и ботаника Александровича. Мечтая о путешествии в Азию, он тщательно изучил географию этой части света. Гумбольдт и Риттер были его настольными книгами.

Погруженный в занятия, он редко ходил в гости, да и по характеру своему не любил балов, вечеринок и прочего. Вообще, это была замечательно цельная натура. Человек дела, он ненавидел суету и толчею; человек непосредственный и искренний, он питал какую-то органическую ненависть ко всему, что отдавало условностью, искусственностью и фальшью, хотя бы самой невинной. Это отражалось на его вкусах и привычках. Общественная жизнь с ее сложным кодексом условных правил отталкивала его, театра он не выносил, беллетристику недолюбливал. Ему нравилось только безыскуственное, неподкрашенное, простое, как сама природа.

Любимое развлечение его – охота – в окрестностях Варшавы оказалось почти недоступным вследствие смутного времени; однажды, охотясь в штатском платье, он был арестован и просидел в части, пока полиция не убедилась в его благонадежности.

Изредка навещал он своих сослуживцев, с которыми играл в карты, преимущественно в азартные игры, причем “собирал с товарищей иногда почтенную дань, которая совместно с деньгами, вырученными за издание учебника географии, послужила основанием скромного фонда при поездке в Сибирь”.

Кроме юнкеров, с которыми, как мы видели, возился он очень заботливо, собирались иногда у него товарищи, офицеры генерального штаба и юнкерского училища, студенты университета и другие. В таких случаях засиживались иногда до поздней ночи, коротая время в разговорах, предметом которых были естественные науки или история.

Образ жизни он вел довольно правильный: вставал в 6 часов

и занимался до 8, затем отправлялся в училище, около 12 часов уходил и, позавтракав где-нибудь в городе, шел в зоологический музей или ботанический сад; к трем часам возвращался в училище и занимался служебными делами. Вечера по большей части проводил дома и в 9 часов ложился спать, если не было гостей.

Между тем время шло, и мысль о путешествии преследовала Пржевальского все неотвязнее. Но как осуществить ее? Бедность, неизвестность, недостаток связей, наконец, польская фамилия являлись сильными помехами.

Наконец благодаря содействию некоторых важных лиц ему удалось добиться причисления к Генеральному штабу и перевода в Восточно-Сибирский округ.

В январе 1867 года Пржевальский выехал из Варшавы. С ним отправился немец-препаратор, Роберт Кехер; они условились делить пополам коллекции, которые соберут в путешествии.

Проездом в Петербурге Пржевальский познакомился с П. П. Семеновым, в то время председателем секции физической географии Императорского географического общества и, объяснив ему план своего путешествия, просил поддержки со стороны общества.

Это, однако, оказалось невозможным. Географическое общество снаряжало экспедиции из лиц, зарекомендовавших себя учеными трудами, и не могло довериться человеку, совершенно неизвестному.

Поэтому и поддержка его ограничилась рекомендательными письмами Семенова к важным лицам сибирской администрации и обещанием более существенного пособия в будущем, если путешествие в Восточную Сибирь принесет полезные плоды.

В конце марта 1867 года Пржевальский явился в Иркутск, а в начале мая получил командировку в Уссурийский край. Сибирский отдел географического общества оказал ему содействие выдачей топографических и астрономических инструментов и небольшой суммы денег, что было очень кстати при скудных средствах путешественника.

Восторженное настроение, в котором он находился, отразилось в следующем письме:

“Через 3 дня, то есть 26 мая, я еду на Амур, потом на реку Уссури, озеро Ханка и на берега Великого океана к границам Кореи.

Вообще экспедиция великолепная. Я рад до безумия! Главное, что я один и могу свободно располагать своим временем, местопребыванием и занятиями. Да, мне выпала завидная доля и трудная обязанность – исследовать местности, в большей части

которых еще не ступала нога европейца.

Немец (Кехер), которого я привез из Варшавы, оказался никуда не годным и решительно не способным к перенесению каких-либо физических трудностей. Кроме того, каждый день плакал о своей невесте и о Варшаве, так что я наконец прогнал его от себя; последнее время он даже не хотел идти на охоту и ровно ничего не делал, говоря, что ничто его не тешит".

Немца заменил некто Лгунов, шестнадцатилетний мальчик, топограф, который случайно зашел к Пржевальскому, понравился ему и согласился ехать с ним на Уссури.

Запасшись всем необходимым, в особенности охотничьими принадлежностями, они отправились через Байкал к реке Шилке, потом по Амуру в селение Хабаровка у устья реки Уссури; тут, собственно, и началось путешествие.

Плавание по Уссури, среди дикой, лесистой местности, продолжалось 23 дня. Путешественники большей частью шли берегом, собирая растения и стреляя птиц, в то время как гребцы-казаки, проклиная господ, замедлявших движение своими затеями, следовали за ними в лодке. Добравшись до станицы Буссе, Пржевальский отправился на озеро Ханка, представлявшее много интересного в ботаническом, а особенно зоологическом отношении: оно служит станцией мириадам птиц во время перелета. Собравши порядочную коллекцию растений, птиц, насекомых и прочего, он направился к побережью Японского моря, а оттуда, уже зимою, предпринял трудную и утомительную экспедицию в малоизвестную часть Южно-Уссурийского края. Приходилось блуждать по неведомым тропинкам, ночевать в лесу, на морозе, у костра, причем, по выражению солдат, с одного бока были Петровки, с другого Рождество (то есть с одной стороны пекло от костра, с другой – охватывало морозом),– словом, испытали много невзгод. Эта экспедиция, в течение которой было пройдено 1060 верст, продолжалась три месяца. 7 января 1868 года путешественники вернулись в станицу Буссе.

Весною Пржевальский снова отправился на озеро Ханка со специальной целью – изучить его орнитологическую фауну и наблюдать за пролетом птиц. Это был лучший период путешествия, несмотря на скверную материальную обстановку. С появлением первых проталин потянулись бесчисленные стаи птиц. Журавли, цапли, кулики, утки всевозможных пород тянулись не десятками, не сотнями тысяч, а миллионами; не стаями, а тучами, которые Пржевальский сравнивает с тучами саранчи. "Здесь столько пород птиц,– пишет он дяде,– что и во сне не приснится. Каких там нет уток и других птиц. Некоторые так красивы, что едва ли таких можно сделать и на картине. У

меня теперь уже 210 чучел этих птиц. В числе чучел есть у меня журавль – весь белый, только половина крыльев черная; этот журавль имеет в размахе крыльев около 8 футов. Есть на Ханка еще кулик величиною с большого гуся и весь превосходного розового цвета; есть иволга величиною с голубя и ярко-желтого цвета, а свистит-то она как громко! Есть цапли белые, как снег, черные аисты и много-много есть редкостей как между животными, так и между растениями. Между последними в особенности замечательна огромная (величиною с шапку) водяная кувшинка, родная сестра гвианской виктории; она вся красная и превосходно пахнет".

Покончив с наблюдениями на озере Ханка, Пржевальский собирался отправиться в Маньчжурию. Но в это время шайка китайских разбойников – хунхузов вторглась в наши владения на побережье Японского моря, истребляя русские деревни и подстрекая к восстанию местное китайское население. Пржевальский был оторван от своих занятий и отправился усмирять восстание, что исполнил быстро и успешно. За это получил он капитанский чин и был переведен в Генеральный штаб, "…чего до сих пор не делали по разным интригам" (писал он). Вообще, в это время он, кажется, многим не нравился. Особенно возмущались его самоуверенным тоном, когда он говорил о результатах своего путешествия. Эта уверенность проистекала от сознания своих сил и блистательно оправдалась впоследствии, но пока раздражала важных особ: как, мол, смеет зазнаваться такая мелкая сошка?

В то же время он был назначен старшим адъютантом штаба войск Приморской области и переехал в Николаевск-на-Амуре, где прожил зиму 1868/69 года.

Амурская жизнь вызвала крайне резкие отзывы с его стороны.

Впрочем, по крайней мере один из пороков этого общества – страсть к картежной игре – принес существенную пользу Пржевальскому. Он играл с местными купцами и офицерством – и всегда счастливо, почти не зная проигрыша, за что и получил прозвище "золотой фазан". При выигрыше в 1000 рублей прекращал игру и никогда не имел при себе более 500 рублей.

"Я играю для того, чтобы выиграть себе независимость",– говорил он. В зиму 1868 года он выиграл 12 тысяч рублей, "…так что теперь могу назваться состоятельным человеком и располагать собою независимо от службы".

Впоследствии, уезжая из Николаевска, он бросил свои карты в Амур, сказав при этом: "С Амуром прощайте и амурские привычки".

Кроме добывания независимости упомянутым способом он

занимался канцелярскими делами, внушавшими ему глубокое отвращение, и обрабатывал для печати свои путевые заметки. Перед отъездом из Николаевска он представил в Сибирский отдел Географического общества статью *“об инородческом населении в южной части Приморской области”,* которая была напечатана в “Известиях” отдела и доставила автору его первую ученую награду: серебряную медаль.

Пополнив свои исследования новыми экскурсиями в течение весны и лета 1869 года, он отправился в Иркутск, где читал лекции об Уссурийском крае, а отсюда в Петербург, куда прибыл в январе 1870 года.

Здесь он был принят как свой человек в среде Географического общества. Путешествие его оказалось крупным вкладом в наши познания об азиатской природе. Уссурийский край – замечательная местность: тут смешиваются представители юга и севера, тропических стран и полярной области: тигр и соболь, полярная сова и южный ибис, виноград и ель… Пржевальский собрал здесь порядочную коллекцию растений, единственную в своем роде орнитологическую коллекцию, к которой все позднейшие исследования могли прибавить лишь весьма немногое; доставил интересные сведения о жизни и нравах зверей и птиц, о местном населении, русском и инородческом; исследовал верхнее течение реки Уссури, бассейн озера Ханка, восточный склон хребта Сихотэ-Алинь; наконец собрал тщательные и подробные данные о климате Уссурийского края.

Словом, его экспедиция превзошла всякие ожидания: командированный со специальной статистической целью, обладая ничтожными средствами, отрываемый от занятий служебными обязанностями, он произвел замечательно полное естественноисторическое исследование малоизвестного края. Результаты он изложил в прекрасной книге *“Путешествие в Уссурийском крае”,* обнаружившей в нем не только энергического и неутомимого путешественника, но и превосходного наблюдателя с широкими интересами, страстной любовью к природе и основательной подготовкой. Чувствовалось, что это – большой корабль, которому предстоит большое плавание.

ГЛАВА III. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В АЗИЮ

Проект нового путешествия. – Область экспедиций Пржевальского. – Литературные дрязги. – Выступление в экспедицию. – Переход через Гоби. – Пекин. – Мнение Пржевальского о китайцах. – Экспедиция в Юго-Восточную Монголию. – Переход через южную Гоби. – Исследование Хуанхэ, Инь Шаня, Алашаня. – Город Дынь-Юань-Ин. – Недостаток средств. – Возвращение в Пекин. – Путешествие в Кукунору. – Дунгане. – Северный Тибет. – Обилие зверей. – Возвращение. – Переход через Среднюю Гоби. – Прибытие в Ургу. – Результаты экспедиции. – Возвращение в Петербург. – Награды. – Обработка результатов путешествия. – Проект новой экспедиции

В Петербурге Пржевальский томился более чем когда-либо. И прежде его угнетала городская жизнь, теперь же она сделалась совершенно невыносимой. Карьера его была решена бесповоротно: он нашел свою стихию.

С первых дней пребывания в Петербурге он начал хлопотать о новой экспедиции – на этот раз в страны, еще неведомые для европейцев.

Такой неведомой страной до путешествий Пржевальского было Центральноазиатское плоскогорье. Эта огромная площадь, в шесть с половиной миллионов квадратных верст, охватывает Тибет, Монголию и Джунгарию, изобилует дикими пустынями, степями, озерами, вечно заснеженными хребтами и гигантскими вершинами; тут же находятся истоки великих рек Китая: Желтой (Хуанхэ) и Голубой (Янцзыцзян), центр создания многих млекопитающих, например, верблюда, лошади и других – словом, область во всех отношениях представляет глубокий интерес.

Между тем только окраины ее были затронуты исследованиями русских и западноевропейских путешественников. Об огромной центральной площади имелись лишь неполные, неверные и противоречивые сведения из китайских источников. Что же касается климата, флоры и фауны этой области, то они оставались вовсе неизвестными.

Эту огромную и труднодоступную область Пржевальский избрал поприщем своих экспедиций. На первый раз он намеревался отправиться в область истоков Желтой реки, к бассейну обширного озера Кукунор, известного до тех пор только

по имени, и, если возможно, пробраться в Северный Тибет и Хлассу.

Географическое общество и военное министерство отнеслись к его предприятию очень сочувственно. Но, так как еще оставалось сомнение насчет результатов экспедиции, то и средства, отпущенные на нее, были ничтожны: по две тысячи рублей в год.

20 июля 1870 года состоялось Высочайшее повеление о командировании Пржевальского и его бывшего ученика Пыльцова на три года в Северный Тибет и Монголию.

10 октября он был в Иркутске. Тут задержали его, в сущности, пустые, но неприятные дрязги. Путешествуя по Уссурийскому краю, он вдоволь насмотрелся на жалкое положение местного казачьего населения и описал его без прикрас в статье, напечатанной в “Вестнике Европы”. Статья не понравилась местным властям, и в “Известиях” Сибирского отдела Географического общества появилась рецензия, обвинявшая автора во лжи. Пржевальский отвечал на нее, но Сибирский отдел отказался напечатать его возражение; тогда он формально прекратил с ним всякие отношения, а статью напечатал в одной из петербургских газет. Иркутские заправилы собирались отплатить ему новой рецензией, которая должна была “навеки погубить его репутацию в ученом и литературном мире”, но, покипятившись, предпочли благоразумно умолкнуть.

Тут же разыгралась и другая неблаговидная история: какой-то врач П. выпросил у Пржевальского его рукопись об Амурском крае и напечатал ее под другим заглавием и под своей фамилией, но был уличен в плагиатстве и посрамлен.

Покончив с этими крайне возмутившими его дрязгами, Пржевальский отправился в Кяхту, откуда 17 ноября выступил в экспедицию.

Путь лежал через восточную часть великой пустыни Гоби в Пекин, где Пржевальский должен был запастись паспортом от китайского правительства. 2 января 1871 года он прибыл в столицу Китая. Она произвела на него отвратительное впечатление, которое он высказал с обычной резкостью:

“Я еще мало познакомился с самим городом, но уже и первого впечатления достаточно, чтобы безошибочно сказать, что это – невообразимая мерзость. Те же самые фанзы, что и на Уссури, разве только побольше объемом и числом. Грязь и вонь невообразимая, так как жители обыкновенно льют все помои на улицу.

Прибавьте ко всему этому, что здешние китайцы вдесятеро хуже наших амурских. Там, по крайней мере, они держатся в

острастке, а здесь всех европейцев в глаза и за глаза называют не иначе, как *черт,* так что обыкновенно, проходя по улице, слышишь громкие приветствия такого рода… Мошенничество и плутни развиты до крайних пределов… Здешний китаец – это жид плюс московский мазурик, и оба в квадрате. *Но то прискорбно видеть, что европейцы церемонятся с этой сволочью…*

По моему мнению, *только одни ружья и пушки европейцев могут сделать здесь какое-либо дело.* Миссионерская проповедь, на которую так уповают в Европе,– глас вопиющего в пустыне…

Если бы вы видели, как презрительно смотрят на нас китайцы!.. Паршивый (извините за выражение) китайский мандарин не станет ни за что с вами говорить, считая это для себя унижением".

Впрочем, и пекинские европейцы не понравились ему: "Это большею частью отъявленные негодяи… Пекинская жизнь точь-в-точь николаевская-на-Амуре. Разница лишь та, что вместо водки пьют шампанское… Я без отвращения не могу вспомнить об этом городе".

Ему не приходило в голову, что эти недостатки европейцев ("отъявленных негодяев"!) в значительной степени объясняют и извиняют враждебное отношение к ним китайцев и что "не церемониться" с последними на их земле, в их городах и домах было бы уж совсем неприлично.

В Пекине он оставался до весны, подготовляясь к опасной и рискованной экспедиции в местности, объятые дунганским восстанием. Дунгане – китайские мусульмане – в шестидесятых годах восстали и производили страшные опустошения. Западноевропейские путешественники Помпелли и Рихтгофен пытались проникнуть в область, охваченную восстанием, однако принуждены были отступить. Но Пржевальский надеялся на свой штуцер и поговорку: "не так страшен черт, как его малюют".

Скудные средства экспедиции истощились на покупку припасов – главным образом оружия и охотничьих принадлежностей; так что, выступая в феврале из Пекина, путешественники имели всего 460 рублей да рублей на 300 мелочных товаров.

Отряд состоял из четырех человек: Пржевальского, Пыльцова и двух казаков, которых, впрочем, пришлось заменить новыми. Это обстоятельство задержало на некоторое время путешественников, и, чтобы не терять даром времени, Пржевальский решил совершить небольшую экспедицию к северу от Пекина, к озеру Далайнор в юго-восточной Монголии. "Небольшую", впрочем, только относительно: в течение двух месяцев была пройдена тысяча верст, вся эта местность снята на

карту, определены широты городов Калгана, Долоннора и озера Далайнор, промерены высоты пройденного пути, собраны значительные зоологические коллекции.

“Местности, мною пройденные, представляют большей частью песчаную и солонцеватую степь. Климат самый подлый, какой только можно вообразить. За всю весну не было ни одного тихого дня и часто поднимались бури, которые вздымали целые тучи песку и мелкой соли, так что атмосфера принимала желтовато-серый цвет и в полдень было не светлее чем в сумерки. В то же время крупный песок до того сильно бил, что даже верблюды, привычные ко всем трудностям пустыни, иногда поворачивались спинами к вихрю, пока пронесется его порыв”. От сильного ветра голова болела, как от угара.

Давали себя знать и морозы. Руки коченели при сдирании шкурок со зверей и птиц; приходилось спать под открытым небом, а в степи не было ни кустика; топили аргалом (сухой помет).

Страдали также от недостатка воды. В тамошних озерах вода соленая и мутная. “Если хотите приготовить у себя такую бурду, возьмите стакан чистой воды, положите .туда чайную ложку грязи, щепотку соли, извести для цвета и гусиного помета для запаха – и вы как раз получите ту прелестную жидкость, которая наполняет здешние озера” и на которой нашим путешественникам приходилось варить кирпичный чай – их обычный напиток.

Туземное население, подозревая в них шпионов, относилось к путешественникам очень враждебно, не пускало ночевать, не продавало съестных припасов, так что приходилось кормиться охотой; однажды вздумали травить их собакой, но Пржевальский, застрелив ее из револьвера, посулил вторую пулю хозяину, и тот немедленно угомонился.

“Только такие меры и надежда на счастье, наконец, уверенность в том, что смелостью можно творить чудеса – вот те данные, на которых мы основывали свою решимость пуститься вперед очертя голову, без рассуждений о том, что будет или что может быть”.

Вернувшись из экспедиции, путешественники отдохнули несколько дней в городе Калгане и, по прибытии двух новых казаков, тронулись в путь, на запад.

Отсутствие проводников было главной помехой; приходилось идти по расспросам, а местные жители нередко обманывали путешественников ложными показаниями, заставляя их блуждать без толку.

“В таких случаях вздували нагайкой виновного, если удавалось его отыскать, но в большинстве случаев их скрывали”.

Двигались не спеша, делая 20—30 верст в сутки и останавливаясь по несколько дней в местностях, обещавших успешную работу и богатый сбор – ботанический и зоологический. Такими местностями были горные хребты: Сума-Ходи, Иньшань, впервые исследованные Пржевальским; большая же часть пути пролегала по пустыне – южной окраине Гоби, еще не пройденной ни одним европейцем, где путешественникам приходилось страдать от любой жары. Под вечер останавливались у колодца, разбивали палатку, зажигали костер из аргала, варили чай, укладывали растения, делали чучела, затем обедали. Обычное меню путешественников в этой и последующих экспедициях составляли: кирпичный чай, баранина, дичь и “дзамба”, нечто вроде крупы, о которой Пржевальский писал: “… питаемся кроме мяса дзамбой, крупной, как ячменная крупа. Право, свиней у нас лучшей посыпкой кормят. После еды, через час, дзамба разбухает в желудке, и, зная это, мы едим подобную прелесть не чересчур”.

“Сервировка у нас самая простая, вполне гармонирующая с прочей обстановкой: крышка с котла, где варится суп, служит блюдом, деревянные чашки, из которых пьем чай,– тарелками, а собственные пальцы заменяют вилки; скатертей и салфеток вовсе не полагается. Обед оканчивается очень скоро: после него мы снова пьем чай, затем идем на экскурсию или на охоту, а наши казаки и монгол-проводник поочередно пасут верблюдов”.

“Наступает вечер; потухший огонь снова разводится, на нем варится каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются к палатке, первые привязываются, а последние, сверх того, укладываются возле наших вещей или неподалеку в стороне. Ночь спускается на землю, дневной жар спал и заменился вечернею прохладой. Отрадно вдыхаешь в себя освеженный воздух и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойным, богатырским сном”.

Исследовав хребет Иньшань, показав, что он обрывается в долине реки Хуанхэ и тем опровергнув гипотезу Гумбольдта о связи этого хребта с Тянь-Шанем, Пржевальский достиг города Бауту и, переправившись через Желтую реку, проследил ее течение на протяжении 430 верст среди безотрадных песков Ордоса. Показав, что Желтая река в этой местности не разветвляется (как думали раньше по китайским источникам), и нанеся на карту ее течение, он снова перебрался через нее и вступил в Али-Шаны. Это голая, бесплодная и безводная пустыня, где среди зыбучих песков, “всегда готовых задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом”, не может существовать почти никакая живая тварь: несколько растений, приспособившихся к знойному климату, две-три птицы,

песчанка – маленький зверек из грызунов, буравящий почву своими норами и ходами, так что местами невозможно ездить верхом – вот все ее население. Двенадцать дней тащились по этой пустыне и прибыли, наконец, в город Дынь-Юань-Ин, где были очень любезно приняты местным князем и его сыновьями. Тут Пржевальский с большим барышом распродал товары, взятые из Пекина.

Проведя две недели в Алишанских горах, давших зоологический материал, экспедиция должна была повернуть назад. Средства истощились до такой степени, что пришлось продать часть оружия, чтобы как-нибудь извернуться. Продолжать путешествие было не с чем. “С тяжелой грустью, понятной лишь для человека, достигшего порога своих стремлений и не имеющего возможности переступить через него – я должен был покориться необходимости и повернул обратно”.

На обратном пути захватили обширную неисследованную область по правому берегу Хуанхэ, частью же шли старым путем. Как прежде от жары, теперь приходилось терпеть от холода. Останавливаясь на ночь, разбивали палатку, в ней разводили огонь; становилось тепло, но дым ел глаза. “Кусок вареного мяса почти совсем застывал во время еды, а руки и губы покрывались слоем жира, который потом приходилось соскабливать ножом. Фитиль стеариновой свечи, зажигавшейся иногда во время ужина, вгорал так глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растаивали от огня”.

На ночь огонь не разводился за недостатком топлива, и температура в палатке почти сравнивалась с наружной, которая достигала – 27°R [1].

В довершение всего на одной из стоянок украли верблюдов экспедиции, и Пржевальский с большим трудом раздобыл новых на последние остававшиеся у него деньги.

Наконец, после многих невзгод, экспедиция добралась до Калгана.

В течение десяти месяцев было пройдено три с половиной тысячи верст, исследованы почти или вовсе неизвестные местности, пустыни Ордоса, Алашаня, Южной Гоби, хребты Иньшаня и Алашаня; определены широты многих пунктов, собраны богатые коллекции растений и животных и подробные метеорологические данные.

Съездив в Пекин, Пржевальский раздобыл денег, благодаря любезности нашего посланника Влангали, выдавшего ему 1300 рублей заимообразно из суммы Пекинской миссии, и, снарядив заново экспедицию, выступил из Калгана в марте 1872 года, с 174 рублями в кармане. Правда, был у него еще небольшой запас

товаров.

В мае добрались до Дынь-Юань-Ина, продали товары, выменяли один из штуцеров на шесть верблюдов сыну алашаньского князя и с караваном тангутов двинулись к озеру Кукунор. Шли по раскаленным пескам Южного Алашаня, где иногда на протяжении сотни верст не попадалось ни капли воды, а редкие колодцы сплошь и рядом были отравлены дунганами, бросавшими в них тела убитых.

“У меня до сих пор мутит на сердце, когда я вспомню, как однажды, напившись чаю из подобного колодца, мы стали поить верблюдов и, вычерпав воду, увидели на дне гнилой труп человека”.

Населения в этих местностях не встречалось; все было разорено и истреблено дунганами.

В гористой местности провинции Ганьсу путешественники расстались с тангутским караваном. Здесь провели они более двух месяцев. Научная добыча, доставленная этой местностью, была громадна во всех отношениях: горные хребты и вершины, неизвестные географам, множество новых растений и животных.

С наступлением осени решили двинуться к Кукунору. Дело стояло за проводником: туземные жители были слишком напуганы дунганами, чтобы решиться вести караван. Но к этому времени Пржевальский успел уже приобрести репутацию непобедимого богатыря и колдуна. В самом деле, в то время как тысячи местных жителей отсиживались за глиняными стенами своих кумирен и городов, четверо путешественников разгуливали по охваченной восстанием местности, точно в собственном поместье, останавливаясь всегда вне городских стен. Гораздо более чем дунган боялись они любопытных, которые жестоко надоедали им в населенных местностях; ни травля собакой, ни “сильные физические побуждения”, на которые наш путешественник никогда не скупился, не могли отвадить назойливых зевак. Чтобы несколько уменьшить их наплыв, Пржевальский всегда останавливался на некотором расстоянии от городов.

– С этими людьми, – говорил в кумирне Чейбсен проводникам, которых он хотел нанять, – вы не бойтесь и разбойников. Посмотрите, мы с двумя тысячами человек запираемся в своей кумирне, а они вчетвером стоят в поле, и никто не смеет их тронуть. Подумайте сами, разве простые люди могут это сделать? Нет, русские наперед знают все, и их начальник великий колдун или великий святой.

Найдя проводников, двинулись через горы. На третий день пути партия конных дунган человек сто загородила

путешественникам выход из ущелья, сделав по ним несколько выстрелов, впрочем, на далеком расстоянии. Четверо смельчаков, с ружьями наготове, продолжали идти вперед, и, не подпустив их на выстрел, дунгане пустились наутек.

“Мы шли той самой тибетской дорогой, по которой в течение одиннадцати лет не осмеливался пройти ни один караван богомольцев, собирающихся обыкновенно тысячами для подобного путешествия. Нас четверых разбойники боялись больше, чем всех китайских войск в совокупности, и избегали встречи. Во время стоянки у Чейбсена все было покойно, но лишь только мы откочевали в горы, как опять появились дунганы, и разбои начались по-прежнему. Подъезжая к самым стенам Чейбсена и хорошо зная, что нас там нет, разбойники кричали: где же ваши защитники русские, мы пришли воевать с ними. В ответ на это местные милиционеры, вооруженные лишь пиками да несколькими фитильными ружьями, смиренно сидели за стенами и молили Бога, чтобы скорее пришли избавители русские”.

В октябре достигли, наконец, Кукунора. Посвятив некоторое время исследованию этого озера и его окрестностей, двинулись дальше, в Тибет. К этому времени слава путешественников достигла апогея. Говорили, что они полубоги, заговорены от пуль, могут насылать бури, снег, болезни, что за них сражаются невидимые люди; толпы народа стекались к ним на поклон, больные приходили за исцелением, родители приводили детей для благословения; близ города Дулан-Кита экспедицию встретила толпа человек в двести, которые, стоя на коленях по обе стороны дороги, усердно молились великому хубилгану (святому)… Шайки разбойников исчезали при первом слухе о появлении русских, и вещь, оставленная ими, служила охраной целому поселению…

Перевалив через несколько горных хребтов и пройдя через восточную часть Цайдама, обширного плоскогорья, изобилующего солеными озерами и болотами, экспедиция вступила в Северный Тибет. Два с половиной месяца, проведенные в этой суровой пустыне, были труднейшим периодом путешествия. Морозы затрудняли охоту: руки коченели, в скорострельное ружье трудно было вложить патрон, глаза наполнялись слезами, что, конечно, портило быстроту и меткость выстрела.

Бури, поднимавшие тучи песка и пыли, затемняли воздух и затрудняли дыхание, невозможно было открыть глаз против ветра.

Разреженный воздух затруднял ходьбу: “Малейший подъем кажется очень трудным, чувствуется одышка, сердце бьется очень

сильно, руки и ноги трясутся, по временам начинается головокружение и рвота”.

Даже ночью путешественники не могли отдохнуть: “Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомлением всего организма; при таком полуболезненном состоянии спокойный отдых невозможен. Притом же вследствие сильной разреженности и сухости воздуха во время сна всегда являлось удушье вроде тяжелого кошмара, а рот и губы очень сохли. Прибавьте к этому, что наша постель состоит из одного войлока, постланного прямо на мерзлую землю”.

Путешественники не мылись, не меняли белья, потому что стирать его было негде да и некогда; одежда их превратилась почти в лохмотья, к сапогам приходилось подшивать куски шкур вместо подошвы.

Наградой за эти лишения служили богатые научные результаты. Здесь все было ново, неведомо для науки: горы, реки, климат, фауна… Больше всего восхищало и поражало путешественников баснословное обилие крупных животных. “Чуть не на каждой версте попадались громаднейшие стада яков, диких ослов, антилоп и горных баранов. Обыкновенно вокруг нашей палатки, в особенности если она стояла вблизи воды, везде виднелись дикие животные, очень часто пасшиеся вместе с нашими верблюдами”.

Собрав громадные зоологические коллекции, черепа и шкуры редких и невиданных европейцами зверей и добравшись до реки Мур-Усу (верховье Голубой), экспедиция должна была остановиться. Верблюды частью пали, частью едва волочили ноги; в кармане Пржевальского оставалось всего 10 рублей: с такими капиталами нельзя было пускаться в Хлассу. Решено было вернуться.

В марте 1873 года путешественники достигли Кукунора, где продали и выменяли на верблюдов несколько револьверов. Добытые таким образом средства дали возможность провести три весенних месяца в окрестностях Кукунора и дополнить прежние исследования.

Отсюда пробрались по горным тропинкам к кумирне. Чейбсен, и через Алашаньскую пустыню в город Дынь-Юань-Ин, где получили тысячу лан (две тысячи рублей), денег, высланных Влангали.

Проведя два с половиной месяца в Алашаньских горах, двинулись на Ургу через Среднюю Гоби. Эта часть пустыни, самая дикая, еще не была пройдена ни одним путешественником. На протяжении 1100 верст нет здесь ни одного озерка, колодцы рассеяны на огромных расстояниях. Сильно донимала

путешественников июльская жара, доходившая до 36°R днем и 19°R ночью, раскаленный воздух, раскаленная почва, достигавшая 50°R, раскаленный песок, пыль и соль, тучами носившиеся в воздухе.

Однажды они едва не погибли от жажды. Монгол-проводник долго водил их, обещая колодец, но колодца не оказывалось, а вода между тем истощилась. Выведенный из терпения Пржевальский "…хотел было застрелить проводника, так как он был главной причиной всех наших бедствий, но потом рассудил, что этим дело не поправишь, а еще ухудшишь, так как без него мы уже наверно не найдем колодца – и отколотил его изо всей силы… Положение наше было действительно страшное: воды оставалось в это время не более нескольких стаканов. Мы брали в рот по одному глотку, чтобы хоть немного промочить совсем почти засохший язык. Все тело горело как в огне, голова кружилась чуть не до обморока. Еще час такого положения, и мы бы погибли. Я ухватился за последнее средство: приказал одному из казаков, взяв кастрюлю и чайник, скакать во весь опор к колодцу за водой. Если же там воды не окажется или проводник вздумает бежать, то я велел казаку убить его". К счастью, на этот раз вода отыскалась.

Наконец пришли в Ургу, истомленные, оборванные: "Сапог нет, вместо них разорванные унты; сюртуки и штаны все в дырах и заплатах, фуражки походят на старые, выброшенные тряпки, рубашки все изорвались: всего три полугнилых…

Не берусь описать впечатление той минуты, когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку. Нам, совершенно уже отвыкшим от европейской жизни, сначала все казалось странным, начиная от вилок и тарелок до мебели, зеркал и тому подобного… Прошедшая экспедиция и все ее невзгоды казались каким-то страшным сном. Сумма новых впечатлений была так велика и так сильно действовала на нас, что мы в этот день очень мало ели и почти не спали целую ночь. Помывшись на другой день в бане, в которой не были почти два года, мы до того ослабли, что едва держались на ногах. Только через два дня мы начали приходить в себя, спокойно спать и есть с волчьим аппетитом".

Так кончилась достопамятная экспедиция, одна из замечательнейших экспедиций нашего века, единственная в своем роде – как по мужеству участников, которое было бы названо сумасшествием, если бы не увенчалось успехом, так и по громадности результатов, достигнутых с нищенскими средствами. В течение трех лет было пройдено 11 тысяч верст; из них 5300 сняты глазомерно буссолью; исследована гидрография

Кукунорского бассейна, хребты в окрестностях этого озера, высоты Тибетского нагорья, наименее доступные участки великой пустыни Гоби; в различных пунктах определено магнитное склонение и напряжение земного магнетизма; метеорологические наблюдения, производившиеся четыре раза в сутки, доставили любопытнейшие данные о климате этих замечательных местностей; собраны богатые коллекции млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, рыб, насекомых, растений….

Из Урги Пржевальский отправился в Кяхту; оттуда в Иркутск, Москву, Петербург… С первых же дней по возвращении начались торжественные встречи, поздравления, обеды – всякого рода овации.

“Приглашениям несть числа,– писал он из Петербурга,– и мои фонды растут с каждым днем; министр принял меня очень ласково”.

Посыпались награды. Военный министр выходатайствовал ему пенсию в 600 рублей, следующий чин и ежегодное содержание в 2250 рублей за все время пребывания в Главном штабе.

Берлинское географическое общество избрало его членом-корреспондентом, международный географический конгресс в Париже прислал ему почетную грамоту, Парижское географическое общество – золотую медаль, французское министерство народного просвещения – “пальму Академии”, наше Географическое общество – Константиновскую золотую медаль!

Три года по возвращении из путешествия были посвящены обработке его результатов. Пржевальский жил частью в Петербурге, частью в Отрадном. В Петербурге томился и скучал, проклиная городскую суету; в деревне отводил душу на охоте и рыбной ловле.

Издание его книги взяло на себя Географическое общество. Первый том “Монголии и страны тангутов” вышел в свет в 1875 году и вскоре был переведен на французский, немецкий и английский языки. Он имеет общий интерес, содержит описание путешествия, картины природы и жизни в Центральной Азии, целый рудник сведений о флоре, фауне, климате, населении пройденных путешественником стран. Второй том – специальный. Пржевальский обработал для него сведения о птицах и метеорологические данные. Эта работа пришлась ему не совсем по вкусу: натуралист-охотник, он интересовался главным образом жизнью природы, а не вопросами систематики, зоогеографии и прочим.

“Работа по описанию птиц подвигается туго. Трудно самому

справиться со всем материалом, а помощи ждать неоткуда! Притом само писание прегнусное: приходится считать перья, мерить носы и тому подобное. Это не та широкая свобода мысли, когда приходится творить описания природы; нет, теперь все должно быть уложено в узкие рамки специальности, для которой прежде всего нужна усидчивость, а не способность. Право, я никогда не думал, чтобы мне так противны были эти специальные описания, но волей-неволей нужно подчиниться необходимости".

Окончив второй том, он обратился в Географическое общество с проектом новой экспедиции. На этот раз ему хотелось пробраться через Джунгарию, к таинственному озеру Лобнор, известному, но почти только по имени, уже со времен Марко Поло, отсюда к Кукунору, в Северный Тибет, Хлассу и далее к истокам Иравади и Брамапутры.

На этот раз уже никаких сомнений не возникало насчет результатов экспедиции. Пржевальский мог говорить теперь как власть имущий, как авторитет, которого слушали с почтением. Географическое общество выходатайствовало ему из средств государственного казначейства 27 тысяч 740 рублей. Спутник его по первому путешествию, Пыльцов, женился, и потому остался дома, его заменил вольноопределяющийся Эклон. Кроме того, Пржевальский рассчитывал на своего товарища по путешествию в Уссурийский край, Ягунова, но тот утонул, купаясь в Висле. Пржевальский был сильно огорчен: он потерял не только надежного товарища и помощника, но и близкого человека. Крутой характер не мешал ему привязываться к людям: он любил Ягунова, помогал ему окончить образование, надеялся вывести его в люди, доставить ему известность и богатство… Вместо Ягунова отправился прапорщик Повало-Швыйковский, но он оказался непригодным для экспедиции и вскоре вернулся в Россию.

ГЛАВА IV. ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В АЗИЮ

(От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. – СПб., 1878. – Третье путешествие в Азию. – СПб., 1883).

Прибытие в Кульджу.– Выступление в экспедицию.– Якуб-бек.– Исследование Тарима и Лобнора.– Открытие хребта Алтынтаг.– Возвращение на Лобнор.– Свидание с Якуб-беком .– Возвращение в Кульджу.– Письмо матери.– Выступление в дальний путь.– Болезнь Пржевальского.– Возвращение.– Смерть матери.– Отсрочка путешествия.– Приезд в Петербург.– Результаты Лобнорской экспедиции.– Третья экспедиция.– Исследования в Джунгарии.– Обед у китайского губернатора.– Переход в Са-Чжеу.– Наньшань.– Недостаток проводников.– Крутые меры.– Северный Тибет.– Нападение граев.– Невозможность пройти в Хлассу.– Цайдам.– Кукунор.– Истоки Желтой реки.– Возвращение.—Прием в Петербурге.– Овации, награды и прочее.– Покупка Слободы.– Обработка материалов третьего путешествия

В мае 1876 года Пржевальский выехал со своими спутниками в Москву, оттуда через Нижний Новгород в Пермь, где провели несколько дней, поедая “услады”, взятые из Москвы и хранившиеся в мешке, получившем название “всегдашний аппетит”, и дожидаясь патронов, отпущенных военным министерством “для порешения различных животных в пустынях Азии, не исключая и человека, если обстоятельства к тому понудят”.

Из Перми отправились в Омск и далее в Семипалатинск. “Жары стоят ужасные, днем мы обыкновенно едем раздевшись, даже без сапог и штанов, в каждой попутной речке купаемся. Мое здоровье отлично и быстро поправилось; головные боли, кашель, катар горла – все прошло. Вот что значит приволье страннической жизни! Это не то, что сидеть в Петербургском климате, в маленькой каморке на пятом этаже”.

В конце июля прибыли в Кульджу (в то время находившуюся под властью России), откуда 12 августа 1876 года экспедиция выступила в путь по плодоносной долине реки Или.

“Каждый день мы объедаемся до отвала по несколько раз. Есть персики величиною с большое антоновское яблоко. Но и жрут же мои казаки! Веришь ли, каждый день мы съедаем по 20—25 фунтов мяса, не считая прочих приложений”.

Достигнув Тянь-Шаня, Пржевальский остановился недели на три в обширной котловине Юлдус, изобилующей всяким зверьем: медведями, оленями, аргали и так далее.

За Тянь-Шанем путешествие становилось труднее. Тут начинались владения Якуб-бека Кашгарского, основателя эфемерного, но обширного государства в Восточном Туркестане. Он принял путешественников очень любезно, посылал им проводников, фрукты, баранов, разные “услады”,– но всячески мешал их предприятию; запрещал местному населению сноситься с ними, приставил к ним конвой, который водил экспедицию кружными дорогами, заставлял переправляться вплавь через речки при 17° мороза, мешал научным исследованиям.

Достигнув реки Тарим, направились вниз по ее течению: “приходилось пробираться то по лесу или густым колючим кустарникам, то иногда по возвышенному тростнику, корни которого, словно железная щетка, изранивали в кровь верблюжьи пятки”.

Тарим, самая обширная из степных рек внутренней Азии, впадает в озеро Лобнор. Исследование этой реки и озера с его притоками было одною из важнейших задач Пржевальского, так как о них имелись только полуфантастические сведения из китайских источников.

Немного южнее Лобнора он открыл колоссальный хребет Алтынтаг, и в течение 40 дней проследил его на протяжении 500 верст при крайне неблагоприятных условиях: “На огромной абсолютной высоте, в глубокую зиму, среди крайне бесплодной местности мы терпели всего более от безводья и морозов, доходивших до –16°R. Топлива было весьма мало, а при неудачных охотах мы не могли добыть себе хорошего мяса и принуждены были несколько времени питаться зайцами. На местах остановок рыхлая глинисто-соленая почва мигом разминалась в пыль, которая толстым слоем ложилась везде в юрте. Сами мы не умывались по неделе, были грязны до невозможности, наше платье было пропитано пылью насквозь, белье же от грязи приняло серовато-коричневый цвет”.

Отсюда Пржевальский вернулся к Лобнору, где провел два весенних месяца – февраль и. март,– наблюдая за пролетом птиц. Мириады их неслись денно и нощно над палаткой наших путешественников, и зоологическая добыча последних была громадна.

Определив главные астрономические пункты, объехав озеро в лодке и сняв его на карту, Пржевальский двинулся в обратный путь. В городе Курла он имел свидание с Якуб-беком, о котором отозвался с обычной решительностью: “Сам Якуб-бек такая же…,

как и все азиатские халатники; Кашгарское царство не стоит медного гроша”.

Владычество Якуб-бека поддерживалось только жестокостью и коварством; он был безграмотным и, в сущности, бездарным деспотом, лишенным всяких государственных идей; Пржевальский отлично понял это и в записке “О современном состоянии Восточного Туркестана” дал замечательно меткую характеристику эфемерного Кашгарского царства, предсказывая его близкую гибель, что вскоре и сбылось.

Из Курлы снова прошли на Юлдус, где провели три недели, занимаясь главным образом охотой, а 3 июля 1877 года вернулись в Кульджу.

Первый акт экспедиции закончился с полным успехом. Благодаря съемкам Пржевальского орография и гидрография этого участка внутренней Азии явились в совершенно новом свете; к тому же все пройденные местности были с обычной полнотой исследованы в естественноисторическом отношении.

В Кульдже Пржевальский получил письмо от матери, в котором она, поздравляя его с производством в полковники, выражала надежду, что по возвращении из экспедиции он станет генералом. “А генералам всем надобно сидеть дома,– прибавляла она.– Вероятно, это твоя последняя экспедиция… Не мучь ты себя, а вместе с собой и меня. Чего тебе недостает? А то воспоминание о тебе, лишения твои почти всех удобств жизни измучили меня, и я, право, состарилась за это время на десять лет,– а ведь я не увижу тебя еще два года”.

“Вот дядя твой, Павел Алексеевич, умер 26 декабря… Последние месяцы своей жизни он был совсем без памяти, никого не узнавал и хорошо сделал, что, не делая больших хлопот, умер покойно. А на похоронах все были пьяны, было выпито приходящими четыре ведра водки в один день, а что съедено пирогов, лепешек, клецок, лапши, кутьи, то нельзя и вообразить, чтоб можно было уничтожить в один день”.

28 августа Пржевальский снова выступил из Кульджи и в ноябре того же года прибыл в китайский город Гучен у подножия Тянь-Шаня. Тут пришлось отказаться от дальнейшего путешествия. Еще в Лобнорской экспедиции он схватил пренесносную болезнь – зуд тела; в Кульдже она стала проходить, потом возобновилась. Не было покоя ни днем, ни ночью: нельзя было ни писать, ни делать наблюдения, ни даже ходить на охоту. Промучившись три месяца и убедившись, что болезнь не поддается лекарствам его походной аптеки – дегтю, табаку и синему купоросу,– он решил вернуться в Россию, вылечиться хорошенько и тогда уже идти в Тибет. Так кончилось его второе

путешествие.

Несносная болезнь, туго поддававшаяся лечению; огорчение по поводу отсрочки Тибетского путешествия, доходившее до того, что Пржевальский несколько раз плакал, возвращаясь из Гучена; беспокойство о матери, которая, как он знал, была больна, – все это дурно повлияло на его настроение, даже вызвало временный упадок духа.

“Возвратясь из экспедиции, более не пойду в Азию: пора и отдохнуть. Предстоящее путешествие в Тибет, вероятно, уже будет последним моим путешествием. Довольно потаскались среди этих…, которых называют монголами, китайцами и прочими. Будем жить по-старому, тихо и спокойно. Не нужно мне никаких почестей и богатств – дайте мне только тихую жизнь в Отрадном. Там можно жить спокойно, а следить за наукой и событиями нетрудно, выписывая газеты и журналы”.

Подготовляясь в экспедицию, он получил телеграмму о смерти матери. Это было жестоким ударом, еще усилившим и без того тяжелое настроение духа. “Теперь,– записал он в дневнике,– к ряду всех невзгод прибавилось еще горе великое. Я любил свою мать всей душою. С ее именем для меня соединены отрадные воспоминания детства и отрочества, беззаботно проведенных в деревне. И сколько раз я возвращался в свое родимое гнездо из долгих отлучек, иногда на край света. И всегда меня встречали ласка и привет. Забывались пережитые невзгоды, на душе становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенком. Эти минуты для меня всегда были лучшей наградой за понесенные труды…

Буря жизни, жажда деятельности и заветное стремление к исследованию неведомых стран внутренней Азии снова отрывали меня от родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самою тяжелою минутою всегда было для меня расставанье с матерью. Ее слезы и последний поцелуй еще долго жгли мое сердце. Не один раз, среди дикой пустыни или дремучих лесов, моему воображению рисовался дорогой образ и заставлял уноситься невольно к родному очагу”…

Ввиду всех этих огорчений и вызванного ими упадка духа телеграмма военного министра, предписывавшая отложить путешествие вследствие осложнения наших отношений с Китаем, явилась весьма кстати.

Оставив верблюдов и запасы экспедиции в Зайсанске, Пржевальский отправился в Петербург.

Результаты своего путешествия он изложил в брошюре “От *Кульджиза Тянь-Шань и на Лобнор”,* которая была переведена на главные европейские языки, вызвала восторженные отзывы

западноевропейских ученых, но также и некоторое недоверие последних: опираясь на китайские источники, они думали, что Пржевальский неверно определил положение Лобнора, что есть еще “настоящий” Лобнор, которого он не приметил. Впрочем, эти сомнения скоро рассеялись.

Берлинское географическое общество присудило ему Большую золотую медаль Гумбольдта, Лондонское – Королевскую медаль, наша Академия наук и Ботанический сад избрали Пржевальского почетным членом.

В Петербурге его по обыкновению донимали обедами, приглашениями, просьбами о лекциях и прочим.

Поживши в деревне, вылечившись, воспрянув духом, он стал хлопотать о путешествии в Тибет. Государственное казначейство выдало ему 20 тысяч рублей в дополнение к суммам, оставшимся от Лобнорской экспедиции.

20 января 1879 года он выехал из Петербурга, а 28 марта 1879 года отряд, состоявший из тринадцати человек, выступил из Зайсанска.

Исследовав озеро Улюнгур со впадающей в него рекой Урунгу, двинулись через необозримую безводную степь к знаменитому с глубокой древности Хамийскому оазису.

Дни тянулись за днями однообразно; проходили в сутки не более 25 верст, так как путешествие, по обыкновению, замедлялось съемкой, охотой, сбором растений, ящериц, насекомых и так далее. У какого-нибудь колодца или ключа останавливались на ночлег, ставили палатку, разводили огонь, варили ужин.

“Едва ли какой-нибудь гурман ест с таким аппетитом разные тонкости европейской кухни, с каким мы теперь принимаемся за питье кирпичного чая и еду дзамбы с маслом, а за неимением оного – с бараньим салом. Правда, последнее, будучи растоплено, издает противный запах сальных свечей, но, путешествуя в азиатских пустынях, необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфорт даже при больших материальных средствах здесь невозможен; никакие деньги не превратят соленую воду в пресную, не уберегут от морозов, жары и пыльных бурь, а иногда и от паразитов”.

В Хамийском оазисе остановились на несколько дней: это был важный торговый и стратегический пункт, и Пржевальскому хотелось ознакомиться с ним поближе. Губернатор города Хами пригласил путешественников на обед, состоявший из 60 блюд, “… все во вкусе китайцев. Баранина и свинина, а также чеснок и кунжутное масло играли важную роль. Кроме того, подавались и

различные тонкости китайской кухни, как-то: морская капуста, трепанг, гнезда ласточки-салганы, плавники акулы, креветки и тому подобное. Обед начался сластями, кончился вареным рисом. Каждого кушанья необходимо было хотя бы отведать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегрет, от которого даже наши ко всему привычные желудки были расстроены весь следующий день".

Из Хами экспедиция направилась в город Са-Чжеу через пустыню, в сравнении с которой даже предыдущая степь могла назваться садом.

Это был один из самых трудных переходов за все путешествие. В пустыне не было ничего живого: ни растений, ни зверей, ни птиц, ни даже ящериц и насекомых. "По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленной днем почвой висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера; ветер не колышет воздух, не дает прохлады. Только горячие вихри часто пробегают и далеко уносят крутящиеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонам путника играют обманчивые миражи. Жара днем невыносимая. Солнце жжет от восхода до заката". Почва нагревалась до 50°R: плохие колодцы с теплой солоноватой водой едва утоляли жажду людей и животных.

Две недели тащились по этому пеклу; наконец пришли в оазис Са-Чжеу, где отдохнули.

Вытребовав с большим трудом проводника у местных китайских властей, Пржевальский двинулся дальше через неведомые хребты Наньшаня. Китайский проводник завел его в такую глухую, изрытую оврагами местность, что экспедиция еле выбралась оттуда. Поставленный в безвыходное положение, Пржевальский решил отыскивать дорогу разъездами: от места стоянки посылались по два, по три человека в разные стороны, верст за сто и более, и разыскивали путь; затем уже трогался весь караван. Наконец один из разъездов случайно наткнулся на двух монголов. Их без церемонии забрали, привели к бивуаку и частью подарками, частью угрозами заставили вести экспедицию. Перевалив через Наньшань, открыв два громадных хребта (Гумбольдта и Риттера), Пржевальский вступил в Цайдам.

Выведенный из терпения отсутствием проводников, он решил прибегнуть к крутым мерам. Одного из местных монгольских князей разругал и выгнал вон из палатки, после чего получил проводника, оказавшегося, впрочем, совершенным идиотом. Другому объявил, что, если не получит проводника, то поведет в Тибет самого князя. Угроза подействовала, и, получив требуемое, Пржевальский двинулся в Тибет.

Здесь путешественников снова встретили разреженный воздух, резкие перепады температуры, бури – то со снегом и градом, то с тучами песка и пыли,– наконец, нападения разбойничьих племен. И снова поразило их невероятное обилие диких животных. “Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны куланов, лежали и в одиночку расхаживали дикие яки, в грациозной позе стояли самцы оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали антилопы-ады. Не было конца удивлению и восторгу моих спутников, впервые увидевших такое количество диких животных”.

В местностях, удобных для пастбища, например, в долинах рек, количество зверей достигало баснословных размеров. “Табуны куланов отходили немного в сторону и, повернувшись всей кучей, пропускали нас мимо себя, а иногда даже некоторое время следовали за верблюдами. Антилопы, оронго и ады спокойно паслись и резвились по сторонам или перебегали дорогу перед нашими верховыми лошадьми, лежавшие же после покормки дикие яки даже не трудились вставать, если караван проходил мимо них на расстоянии четверти версты. Казалось, мы попали в первобытный рай, где человек и животные еще не знали зла и греха”.

Несколько дней двигались в этом раю; наконец проводник объявил, что не знает дороги. По обыкновению были пущены в ход “сильные физические побуждения”, но от этого знаний у проводника не прибавилось, и караван должен был двигаться почти наудачу. Между тем наступила зима, ударили морозы, пастбища покрылись снегом; давал себя чувствовать недостаток топлива и корма, к этому присоединилась глазная болезнь – результат ослепительной белизны снега. Верблюды дохли от утомления и бескормицы; каравану грозила опасность остаться без вьючных животных и заблудиться среди снеговых пустынь. Проводник уговаривал вернуться, пророча гибель путешественникам.

Тибетское плоскогорье изрезано хребтами, впервые открытыми и исследованными Пржевальским. Добравшись до одного из таких хребтов, экспедиция попала в почти безвыходное положение. Снег закрыл все тропинки и приметы, по которым мог бы ориентироваться проводник, и последний окончательно сбился с толку. Караван долго колесил по горам, спускаясь в ущелья, поднимаясь на высоты, и наконец уперся в стену.

Убедившись, что из проводника ничего не выжмешь ни угрозами, ни нагайкой, Пржевальский прогнал его и решился искать дорогу разъездами. Счастье снова помогло смельчакам: караван благополучно выбрался из гор, перевалил еще три хребта

и вышел в долину реки Мур-Усу.

Невзгоды путешествия порядком утомили всех: “слабосилие, головокружение, одышка, иногда сердцебиение чувствовались почти каждым; многие заболевали простудою и головною болью”.

В горах Тан-Ла экспедиция подверглась нападению *егpаев,* разбойничьего племени, занимающегося грабежом караванов. Человек 60—70 конных егpаев атаковали путешественников в одном ущелье, но были отбиты и отступили с уроном.

Среди всех этих лишений и опасностей караван неудержимо стремился вперед. Оставалось уже не более 250 верст до Хлассы, когда за перевалом Тан-Ла пришлось остановиться. Тибетское правительство не хотело пускать Пржевальского в Хлассу; местное население было сильно возбуждено против путешественников, около тысячи солдат и милиционеров загораживали им путь. После продолжительных переговоров Пржевальский должен был отступить.

Впрочем, научные результаты путешествия от этого не пострадали. Посещение Хлассы, запретного для европейцев города, придало бы экспедиции больше блеска, больше шика, но то, что составляло ее суть и смысл – великие географические открытия, драгоценные естественноисторические коллекции и наблюдения – все это и теперь оставалось грандиозным памятником ее трудов.

Обратное путешествие было сопряжено с большими затруднениями. И люди, и животные ослабли, запасы продовольствия истощились, а впереди еще предвиделось нападение егpаев. Последнего, однако, не случилось.

И здесь, как в монгольских пустынях, мужество путешественников окружило их легендарным ореолом. Рассказывали, что они трехглазые, что ружья их стреляют на целый день езды и прочее.

К концу января 1880 года экспедиция вернулась в Цайдам, частью прежним путем, частью новыми местами.

Между тем в русском посольстве в Пекине стали распространяться тревожные слухи насчет Пржевальского. С тех пор как он выступил в Тибет, следы его потерялись. Известно было, что он прогнал проводника и пустился один в неведомые пустыни. В петербургских газетах писали, что Пржевальский взят в плен китайцами, ограблен, убит… Только в феврале 1880 года пришло известие, что он жив и здоров, а вскоре получено было и его письмо с предположениями о дальнейшем путешествии к истокам Желтой реки.

Из Цайдама экспедиция прошла к Кукунору, отсюда к верховьям Хуанхэ, исследование которых – пополненное в

четвертом путешествии – составляет одну из крупных заслуг Пржевальского перед географией. Проведя три месяца в этой области, вернулись к Кукунору, дополнили съемку этого озера и, наконец, решили двинуться домой – через Алашань на Ургу.

“Сегодня распрощались мы с Кукунором, вероятно, уже навсегда… Перед отходом я несколько минут глядел на красивое озеро, стараясь живее запечатлеть в памяти его панораму. Да, наверное, в будущем не один раз вспомню я о счастливых годах своей страннической жизни. Много в ней перенесено было невзгод, но много испытано и наслаждений, много пережито таких минут, которые не забудутся до гроба”.

19 октября 1881 года экспедиция прибыла в Ургу.

Возвращение Пржевальского в Петербург было триумфальным шествием. Начиная с города Верного, посыпались поздравительные телеграммы, обеды, торжественные встречи: “Чествуют везде так, что я не мог и ожидать”.

Всем членам экспедиции были пожалованы награды: Пржевальскому пожизненная пенсия в 600 рублей в дополнение к прежним 600, и орден; остальным – тоже денежные награды и знаки отличия.

Петербургская дума избрала его почетным гражданином и ассигновала 1500 рублей на постановку его портрета в думской зале, но он просил употребить эти деньги с благотворительной целью. Московский университет избрал его почетным доктором, различные русские и иностранные ученые общества – почетным членом.

Визиты, приглашения, обеды надоедали ему донельзя. “Это хуже самого трудного путешествия,– говорил он.– Обеды и визиты до того меня доняли, что и жизнь становится не мила”.

Его заваливали всевозможными просьбами: выхлопотать местечко, пенсию, чин, пособие и прочее.

“Вам, родимый мой,– писала одна из просительниц,– все власти нашего города ныне бьют челом; кум мне сказывал, что вас повесили в думе, что вы в почете в нашем городе, что вам все сделают. Так ради Бога отыщите мою собачку, кличка ее Мурло, маленькая, хорошенькая, с бельмом на глазу; крыс и мышат ловит. И буду я, вдова безутешная, весь длинный век за вас Бога молить. Живу я на Петербургской, Зелениной, № 52 дома, у сторожа гвардейского, что под турку ранен, Архипом прозывается”.

Покончив с делами в Петербурге, Пржевальский уехал в Отрадное. Но тут ему многое не нравилось. “Там кабак, тут кабак, в ближайшем соседстве дом терпимости, а в более отдаленном – назойливо навязывают дочерей-невест. Ну их совсем, этих

соседей. Мои друзья вот”,– прибавлял он, указывая на ружье, на болото, покрытое мхом, и на лес.

Ему хотелось найти настоящий медвежий угол, хоть некоторое подобие азиатских дебрей. Наконец поиски увенчались успехом, и он купил имение Слобода в Поречском уезде Смоленской губернии, в замечательно глухой местности, изобилующей сосновыми борами, песками, болотами и озерами. “Лес, как сибирская тайга, – восхищался он. – А рядом – леса пошли на сотни верст”. Для рыболова и охотника раздолье: два озера, две реки, обилие уток, глухарей, тетеревов, рябчиков; медведи, иногда лоси; случайно забегают в эту местность даже кабаны.

Хозяйством Пржевальский не занимался; его интересовали только охота и сад, в котором развел он, между прочим, некоторые из растений, вывезенных из Азии. Рабочие лошади, к огорчению управляющего, в самую горячую пору отрывались от дела для поездок на охоту и рыбную ловлю; овес сеялся специально для медведей; вообще, о доходах Пржевальский не заботился.

В Слободе было кончено описание третьего путешествия. Как и предыдущие, книга была переведена на западноевропейские языки. В Парижской академии был сделан о ней доклад – отличие редкое, так как обыкновенно доклады о новых книгах там не допускаются.

ГЛАВА V. ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. – ИТОГИ

(Четвертое путешествие в Азию.– СПб., 1888 г .).

Женитьба Эклона.—Выступление экспедиции.– Расправа с Дзун-Засаном.– Тибет.—Истоки Желтой реки.—Нападение тангутов.– Цайдам.– Восточный Туркестан.– Возвращение.– Встреча в Петербурге.– Результаты экспедиции Пржевальского.– Его географические открытия: Куэнь-Лунь, Северный Тибет, Лобнор.– Истоки Желтой реки, Цайдам, Великая Гоби и прочее.– Значение его экспедиций для зоологии, ботаники, климатологии

В минуту уныния Пржевальский отрекался от путешествий и мечтал о спокойной жизни в деревне. Но он сам не знал своей натуры. Не успел он порядком отдохнуть, как снова его потянуло в далекие пустыни Азии, и, еще не окончив описания третьего путешествия, он начал хлопотать о следующем.

Один из прежних спутников его, Эклон, на которого он и нынче рассчитывал, женился и остался дома. Пржевальский был жестоко огорчен и раздражен и расстался со своим бывшим товарищем если не враждебно, то очень сухо. К этому времени его любовь к путешествиям превратилась в фанатическую страсть, он, кажется, даже и представить не мог, что, испытав сладость жизни в пустынях, можно пожелать чего-нибудь лучшего. Вместе с тем росло и его женоненавистничество: в семье он видел главную помеху для путешественника.

20 октября 1883 года экспедиция, в состав которой входил 21 человек, выступила из Кяхты – старым путем: на Ургу, отсюда на Дынь-Юань-Ин. Несмотря на зимнее время, солнце сильно пригревало. Одежда на стороне, обращенной к солнцу, нагревалась до 27° и более, тогда как на противоположной термометр показывал мороз.

Из города Синина был прислан путешественникам китайский конвой, который сильно надоедал им, заводя ссоры и драки с местными жителями. Пржевальский отделался от него, заявив, что будет стрелять в китайских солдат, если они не уйдут.

Вступление в Тибет ознаменовалось расправой с владетельным князем Дзун-Засаном, который не хотел ни продавать путешественникам верблюдов и баранов, ни доставить проводника. “Тогда без всяких дальнейших рассуждений я посадил Дзун-Засана под арест у нас в лагерной палатке, возле

которой был поставлен вооруженный часовой. Помощник князя, едва ли не еще больший негодяй, был привязан на цепь под открытым небом, а один из приближенных, осмелившийся ударить нашего переводчика Абдула, был тотчас же высечен. Такие меры возымели желаемое действие",– проводник, верблюды и бараны были доставлены.

Перевалив гигантский хребет Бурхан-Будда, вступили на плоскогорье Тибета и вскоре достигли котловины Одон-Тала, в которой лежат истоки Желтой реки. "Давнишние наши стремления увенчались успехом: мы видели теперь воочию таинственную колыбель великой китайской реки и пили воду из ее истоков. Радости нашей не было конца"….

Здесь пробыли довольно долго: исследовали упомянутые истоки, окружающие хребты и вершины, водораздел Желтой и Голубой рек и частью верховье этой последней.

За время пребывания в этих местностях экспедиция два раза подверглась нападению разбойничьих племен тангутов и голыков. В первый раз два конных отряда атаковали бивуак, но были отбиты с уроном. Эта неудача не заставила их отказаться от своего намерения; тогда Пржевальский решился сам атаковать их лагерь. Человек триста высыпало навстречу четырнадцати путешественникам (остальные семь находились в складочном пункте на северной окраине Тибета), но, едва подпустив их на выстрел, повскакивали на коней и пустились наутек.

Другой раз человек 300 конных тангутов атаковали стоянку Пржевальского на берегу открытого им озера Русского.

"Гулко застучали по влажной глинистой почве копыта коней, частоколом замелькали длинные пики всадников, по встречному ветру развевались их суконные плащи и длинные черные волосы… Словно туча неслась на нас эта орда, дикая, кровожадная… С каждым мгновением резче и резче выделялись силуэты коней и всадников… А на другой стороне, впереди нашего бивуака, молча с прицеленными винтовками стояла наша маленькая кучка – четырнадцать человек, для которых не было иного исхода, как смерть или победа…".

Нападающие были встречены залпами, но продолжали скакать, и только когда их начальник, под которым была убита лошадь, побежал назад,– вся шайка, не доскакав до бивуака менее 200 шагов, повернула в сторону и спряталась за ближайший увал. Тут они спешились и открыли пальбу по путешественникам, стоявшим на ровном месте. Тогда, оставив на бивуаке шестерых, Пржевальский отправился выбивать тангутов из их убежища. Последние встретили их пальбой, которая, впрочем, скоро затихла, и, когда нападающие взобрались на увал, оказалось, что

тангуты бросили свою позицию и скрылись за следующим увалом. Но и отсюда они были выбиты; а в то же время другой отряд, бросившийся на бивуак, был отражен оставшимся в нем поручиком Роборовским с пятью казаками.

На этом битва и кончилась; тангуты, потеряв более 30 человек убитыми и ранеными, уже не решались более нападать на путешественников.

Закончив исследование этой части Тибета, Пржевальский вернулся к складу, а оттуда двинулся в дальнейший путь, через Цайдам к Лобнору и далее через пустыню Восточного Туркестана к нашей границе с Китаем. Вся эта часть путешествия изобиловала географическими открытиями: были нанесены на карту горные хребты, вечно заснеженные вершины, озера, оазисы Цайдама и Восточного Туркестана. Путешествие затруднялось каверзами местных китайских властей, которые запрещали населению сноситься с экспедицией, портили дороги на ее пути, угоняли верблюдов и лошадей и тому подобное. Причиной этих каверз была ненависть к китайцам туземного населения, которое даже обращалось к Пржевальскому с предложением восстать против своих властителей и перейти в подданство России.

Тем не менее экспедиция двигалась вполне успешно и 29 октября 1886 года достигла нашей границы, откуда отправилась в город Караколь (ныне Пржевальск).

Путешествие продолжалось более двух лет. Исследованы были истоки Желтой реки, завершено и дополнено исследование Цайдама, Лобнорского бассейна и колоссальной системы Куэнь-Луня.

За эту экспедицию Пржевальский получил чин генерал-майора, пенсия его была увеличена до 1800 рублей.

Так отнеслось правительство; ученый мир – русский и иностранный – также не замедлил выразить свое одобрение славному путешественнику. Открытый им хребет *Загадочный* был назван хребтом *Пржевальского,* Шведское географическое общество назначило ему свою высшую награду – медаль “Вега”, Общество землеведения в Лейпциге, Академия в Галле избрали его почетным членом и так далее.

О публике и говорить нечего. “Пребываю еще в Петербурге,– писал он вскоре по возвращении,– и мучаюсь несказанно; не говоря уже про различные чтения, официальные торжества, мне просто невозможно пройти ста шагов по улице,– сейчас узнают, и пошла писать история, с разными расспросами, приветствиями и тому подобное”.

Четвертое путешествие было последним путешествием Пржевальского. Подведем же итоги всех его экспедиций. Что

сделано Пржевальским для науки?

Как мы уже говорили, поприщем его исследований было Центральноазиатское плоскогорье, которое он последовательно изучил в его наименее известных частях. В этой области провел он 9 лет, 2 месяца и 27 дней, пройдя в своих экспедициях более 30 тысяч верст.

Крупнейшими из его *географических* открытий были: исследование горной системы Куэнь-Лунь, хребтов Северного Тибета, бассейнов Лобнора и Кукунора и истоков Желтой реки.

Вдоль северной окраины Тибета тянется колоссальная система горных хребтов Куэнь-Лунь, по выражению Рихтгофена, “становой хребет” Азии. До исследований Пржевальского она была известна только по имени и изображалась в виде почти прямой черты; благодаря его экспедициям “прямолинейный Куэнь-Лунь точно ожил, выяснились его важнейшие изгибы, он расчленился на отдельные хребты, связанные горными узлами и разъединенные глубокими долинами”.

Открытие хребта *Алтынтаг* сразу выяснило общее очертание Тибетской ограды, имеющей вид отлогой дуги, изогнутой к северу. Затем были исследованы восточная часть системы (Наньшань), в которой Пржевальским открыты хребты *Северно– и Южно-Тэтунгский, Южно-Кукунорский, Гумбольдта и Риттера;* центральный Куэнь-Лунь, колоссальное сплетение хребтов, до Пржевальского абсолютно неизвестных *(Бурхан-Будда, Го-Шили, Толай, Шуга и Хоросай,* хребты *Марко Поло, Торай, Гарынга,* хребты *Колумба и Цайдамский,* хребты *Пржевальского, Московский и Тогуз-Дабан;* западный Куэнь-Лунь, состоящий из хребтов *Русского, Кэрийского и* гор *Текелик-Таг.* В этих хребтах нередки отдельные вечно заснеженные вершины, одетые грандиозными ледниками, как например, гора *Царя-Освободителя,* горы: *Кремль, Джинри, Шапка Мономаха* и другие.

Таким образом, заполнилось огромное пространство от Памира до истоков Желтой реки; загадочная область, с давних пор интересовавшая географов и подававшая повод к разнообразным, более или менее произвольным гипотезам относительно вида поверхности внутренней Азии.

Исследование *северной части Тибета* — также одно из крупнейших географических открытий нашего времени. Пржевальский дал общее описание этого .плоскогорья– единственного в мире по высоте и громадности,– открыл и исследовал ряд хребтов, разбросанных на нем (хребет *Куку-Шили* и его продолжение *Баян Хара,* хребет *Думбуре, Конгин, Тан-Ла* и отдельные снеговые вершины *Джома, Дарзы, Медукун),* и открытием вечно заснеженной группы *Самтын-Кансыр* сомкнул

свои исследования с английскими, указав на связь Северно-Тибетских гор с Трансгималайскими.

Озеро *Лобнор* было им исследовано в двух путешествиях. Пржевальский определил его истинное положение, форму, величину; нанес на карту его притоки, из коих один, *Черчен-Дарья,* до него был вовсе неизвестен, а другой, *Тарим,* образующий своими разветвлениями и рукавами довольно сложную сеть; изображался неверно.

Обширное озеро *Кукунор,* известное дотоле лишь по преданиям, принадлежит теперь к числу наиболее известных азиатских озер. Как и Лобнор, оно представляет остаток когда-то огромного бассейна, существовавшего еще в недавнюю геологическую эпоху.

Первый из европейских путешественников, Пржевальский пробрался к *верховьям Желтой реки,* исследовал котловину Одон-Тала, в которой она берет начало, и показал, что она слагается из двух рек, которые, соединившись, вливаются в озеро *Экспедиции* и следующее за ним озеро *Русское.*

Далее, им были исследованы *наименее доступные участки великой Гоби:* пустыня *Восточного Туркестана* с ее оазисами, пустыни *Ордосаи Алашань, южная окраина* Гоби от города Калгана до Дынь-Юань-Ина, и *центральная часть* ее от Алашань до Кяхты. Во всех перечисленных пустынях до него не проходил ни один европеец; кроме того, он пересек Гоби и по другим направлениям, в местностях, уже затронутых отчасти прежними исследователями. В общем, его путешествия дали нам замечательно полную картину великой азиатской пустыни: ее орографии, оазисов, колодцев, озер и ключей; своеобразной флоры и фауны и оригинального климата.

Ему же всецело принадлежит исследование *обширного плоскогорья Цайдама,* замкнутого со всех сторон хребтами Куэнь-Луня. Это – не вполне пересохшее дно огромного бассейна, следы которого сохранились в виде соленых озер и болот. Пржевальский исследовал и нанес на карту эти озёра, главную артерию Цайдама – реку Баянгол, его оазисы, урочища и прочее.

Наконец из менее крупных открытий его упомянем об исследовании озера *Далайнор* в юго-восточной Монголии, реки *Урунгуи* озера *Улюнгур* в Джунгарии, *верховьев Янцзы-цзян,* хребтов *Иншаняи Алашаня, течения Желтой реки* ниже верховьев и прочее.

Вот краткий перечень его географических открытий. Читатель может обозреть их одним взглядом на приложенной к нашему очерку карте. Там, где он видит теперь горные хребты, озера, реки и прочее, были до исследований Пржевальского или пустые

места, или фантастические узоры, набрасывавшиеся на карту по неверным и противоречивым источникам.

Эти открытия поставили имя Пржевальского в один ряд с именами величайших путешественников-географов нашего века. Но они составляют только частицу его заслуг.

В большинстве случаев путешественник-географ является только пионером, открывающим для науки неведомые области. Он пролагает путь для исследователей-натуралистов, но для него самого наука не существует. Таковы, например, Стэнли, Ливингстон и другие. Для Стэнли исследования флоры и фауны кажутся детской забавой. “Постоянные серьезные заботы мешали нам заниматься пустяками”,– наивно заявляет он по поводу собирания коллекций. Но даже и те, кто понимает значение естественноисторических исследований, редко могут соединить роль пионера с ролью натуралиста. Тащить за собой огромный караван с грузом, достигающим, как у Пржевальского, нескольких сот пудов – по неведомой области, среди всевозможных опасностей, путешествуя иной раз наудачу, без проводников, с риском застрять в какой-нибудь непроходимой глуши – слишком трудно. Только впоследствии, когда местность в географическом отношении исследована, указаны и нанесены на карту наиболее удобные и безопасные пути, выработана организация экспедиции – только тогда, по проторенной дорожке, могут пуститься зоологи, ботаники и прочие, и изучать прежнюю terra incognita во всевозможных отношениях.

В Пржевальском соединялись оба типа: пионер и ученый. Любовь к дикой, привольной жизни, жажда сильных ощущений, опасностей, новизны создали из него путешественника-пионера и авантюриста; страстная любовь к природе и в особенности к тому, что живет, дышит, движется,– к растениям, зверям и птицам– сделали его ученым-путешественником, которого немцы сравнивают с Гумбольдтом.

Зоологические исследования его имеют одинаково важное значение для географии животных, систематики и биологии. Они выяснили состав среднеазиатской фауны, дали возможность разбить ее на частные зоологические области, определить их границы и отношение к фауне уже исследованных областей.

Для систематики имеют огромное значение множество новых видов и любопытных местных форм, привезенных им из Азии. Упомянем о диком верблюде и яке, о лошади Пржевальского, промежуточной форме между лошадью и ослом, вызвавшей в свое время фурор среди дарвинистов, о тибетском медведе (*Ursuslagomiarius),* о новых видах антилоп, диких баранов, леммингов, сурков и прочих, о множестве новых птиц, рыб,

ящериц, насекомых и прочего.

Не ограничиваясь собиранием коллекций, он наблюдал жизнь животных. Для наиболее замечательных видов были у него заведены особые книги, куда заносились биологические данные. Таким образом, он составил целые монографии о верблюде, яке, тибетском медведе и других, доставил драгоценные сведения о жизни и деятельности мелких роющих грызунов (сурки, пищухи и другие), играющих огромную роль в геологическом и почвенном отношении, исследовал пути пролета птиц в Центральной Азии и так далее.

Заслуги его перед ботаникой столь же значительны. Им собрано около 1700 видов растений в 15—16 тысяч экземпляров. Исследования его открыли нам флору Тибета, Монголии, а в связи с материалами Певцова, Потанина и других дали замечательно полную картину растительности всего Центральноазиатского плоскогорья. Как и в отношении животных, мы знаем теперь общий характер флоры этой обширной страны, можем разбить ее на частные фитогеографические области, определить их связь с климатом и горными хребтами, их главные растительные типы, их отношение к соседним местностям.

Четыре экспедиции Пржевальского произвели коренной переворот в наших познаниях о природе Центральной Азии. До него это была terra incognita в полном смысле слова; теперь ее животное и растительное население исследованы лучше, подробнее, детальнее, чем во многих легкодоступных и давно изучаемых местностях.

Почти то же сделано им для изучения климата Центральной Азии. “Пока продолжались его путешествия, – говорит профессор Воейков, – просвещеннейшие и богатейшие страны Западной Европы соперничали в изучении Африки. Конечно, и изучению климата этой части света было уделено место, но наши знания о климате Африки подвинулись трудами этих многочисленных путешественников менее чем наши знания о климате Центральной Азии сведениями, собранными одними экспедициями Пржевальского”.

Сравнительно малую роль играли в его исследованиях этнография, и в особенности геология – обстоятельство, подавшее повод даже к некоторым нападкам на него. Если бы Пржевальский ограничился ролью географа и пионера, мы назвали бы его одним из величайших путешественников нашего века; он сделал больше– он раскрыл перед нами климат, флору и фауну громадных неведомых областей,– и мы считаем долгом придраться, почему не исследовано еще то-то и то-то?..

Впрочем, эти придирки и укоризны совершенно исчезали

среди восторженных отзывов. И наши, и западноевропейские ученые восхищались полнотой его исследований, широтой его интересов. “Ливингстон и Стэнли,– говорит Д. Гукер,– были отважными пионерами, но только сумели проложить на карте пройденные ими пути, для изучения же природы ничего не сделали. После заслуженного Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на карте маршруты его. Только Пржевальский соединял в своем лице отважнейшего путешественника с географом и натуралистом”.

ГЛАВА VI. ХАРАКТЕР И ВЗГЛЯДЫ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Любовь к странничеству. – Отзывы о пустыне. – Ненависть к цивилизации и городской жизни. – Мизантропические взгляды. – Взгляды на женщин. – Характер. – Отношения к спутникам и близким людям. – Щедрость. – Недостатки характера

Самая выдающаяся черта в характере Пржевальского – любовь к страннической жизни. Он был закоренелым бродягой, для которого оседлая жизнь – каторга. Никакие опасности, труды, лишения не могли убить в нем охоты к путешествиям: напротив, она росла и развивалась, превращаясь в почти болезненную страсть. Он с ужасом думал о старости, которая заставит его сидеть дома, и не раз выражал желание умереть в пустыне, в походе. “Прекрасная мати пустыня” манила его с неотразимой силой, и в отзывах его об Азии звучит то же чувство, которое отразилось в песне раскольника-бегуна или удалого молодца, уходящего от людей в чистое поле и темный лес…

“Грустное, тоскливое чувство овладевает мною всякий раз, как пройдут первые порывы радости по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-нибудь незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях действительно имеется исключительное благо – свобода,– правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, почти абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простотой и широким привольем жизни дикой, наукой и знанием жизни цивилизованной. Притом самое дело путешествия для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость – ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются, и только еще сильнее оттеняют в воспоминании радостные минуты удач и счастья.

Вот почему истинному путешественнику невозможно забыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить вновь променять удобства и покой цивилизованной обстановки на

трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь".

Немного найдется людей, так всецело, совершенно, без остатка поглощенных своим делом, как Пржевальский. Путешествие было его стихией. Здоровье его, ослабевавшее при оседлой жизни, поправлялось и крепло в пустыне; любовь к независимости и свободе находили полное удовлетворение в экспедиционной жизни; страстный охотник и натуралист, он не мог и желать большего раздолья, более богатого поприща для наблюдений; наконец стремление к полезной широкой деятельности удовлетворялось сознанием великих и плодотворных результатов, приносимых его экспедициями. О нем нельзя даже сказать, что он любил путешествие: разве рыба любит воду? она просто не может жить без нее…

Это стремление к страннической жизни в значительной степени объясняет воззрения Пржевальского.

Казалось бы, человек, так много поработавший для цивилизации, должен был ценить ее блага. Но Пржевальский относился к ним очень скептически.

"В блага цивилизации не особенно верю. Эти блага ведь сводятся к тому, что горькие пилюли нашего существования преподносятся в капсюлях и под различными соусами, не говоря уже про уничтожение всех иллюзий, которыми только и красна жизнь.

В Азии я с берданкой в руке гораздо более гарантирован от всяких гадостей, оскорблений и обмана, чем в городах Европейской России. По крайней мере, в Азии знаешь, кто враг, а в городах всякие гадости делаются из-за угла. Вы идете, например, по улице, и всякий может оскорбить вас, если при этом нет свидетелей. Воровства в пустынях гораздо менее чем в городах Европы".

И чем более росла его привязанность к пустыне, тем сильнее разгоралась ненависть к цивилизации. Под конец он не мог говорить без отвращения об "извращенной" жизни цивилизованного общества.

"Не один раз, сидя в застегнутом мундире в салоне какого-нибудь вельможи, я вспоминал с сожалением о своей свободной жизни в пустыне с товарищами-офицерами и казаками. Там кирпичный чай и баранина пились и елись с большим аппетитом, нежели здешние заморские вина и французские блюда; там была свобода, здесь позолоченная неволя; здесь все по форме, все по мерке; нет ни простоты, ни свободы, ни воздуха. Каменные тюрьмы, называемые домами; изуродованная жизнь – жизнью цивилизованной, мерзость нравственная– тактом житейским

называемая; продажность, бессердечие, беспечность, разврат – словом, все гадкие инстинкты человека, правда, изукрашенные тем или другим способом, фигурируют и служат главным двигателем во всех слоях общества от низшего до высшего. Могу сказать только одно, что в обществе, подобном нашему, очень худо жить человеку с душою и сердцем. Нет, видно, никогда не привыкнуть вольной птице к тесной клетке; никогда и мне не сродниться с искусственными условиями цивилизованной, вернее, изуродованной, жизни".

А между тем Пржевальскому нельзя было пожаловаться на несправедливость цивилизованного общества. Заслуги его были оценены быстро и по достоинству. С первой же экспедиции он был признан главой русских путешественников. Правительство, ученые, общественность с замечательным единодушием старались выразить ему свое восхищение. Отношение западных ученых было не менее лестно – книги его переводились на иностранные языки и вызывали восторженные отзывы; немцы сравнивали его с Гумбольдтом; англичане устами Гукера отвели ему место выше Стэнли и Ливингстона; ученые учреждения осыпали его наградами. Таким образом, он на собственном примере мог бы убедиться, что "человеку с душою и сердцем" в нашем обществе можно жить и работать.

Но скучно орлу и в золотой клетке. В рамках цивилизованного общества он чувствовал себя как рыба на берегу; мудрено ли, что оно казалось ему отвратительным? И в этом отношении он напоминает "странника" с его проклятиями "суетному житию" и "прелестному злому миру".

Питая отвращение к оседлой жизни вообще, Пржевальский в особенности ненавидел ее высшее проявление– город. Еще в детские годы, живя в Смоленске, он всячески старался удрать за город и побродить по лесам и полям. Впоследствии, в промежутках между путешествиями, ему приходилось подолгу живать в Петербурге. Тут он чувствовал себя несчастным человеком во всех отношениях. Его железный организм, шутя переносивший самые каторжные условия страннической жизни, ослабевал в городской духоте и тесноте: тут привязывались к нему головные боли, кашель, приливы крови, обмороки. Суматоха и вечное мельканье, необходимость стесняться и подтягиваться раздражали и угнетали его. "Общая характеристика петербургской жизни,– говорил он,– на грош дела, на рубль суматохи".

"Ну уж спасибо за такую жизнь; не променяю я ни на что в мире свою золотую волю. Черт их дери – все эти богатства, они принесут мне не счастье, а тяжелую неволю. Не утерплю сидеть в

Питере. Вольную птицу в клетке не удержишь”.

“Ты не можешь вообразить, до чего отвратительно мне жить теперь в этой проклятой тюрьме (Петербурге), и, как назло, погода стоит отличная. Как вы, черти, я думаю, вкусно теперь стреляете вальдшнепов: никто не мешает” (Пыльцову, 20 мая 1875 года).

Принужденный волей-неволей проживать по несколько лет в России, он, как мы уже видели, старался устроить себе жилье, хоть сколько-нибудь напоминающее азиатские дебри. Слобода нравилась ему в особенности тем, что находится в 80 верстах от железной дороги, окружена борами и болотами, а в распутицу по целым месяцам отрезана от мира, так что приходилось сидеть без газет, без писем, даже без провизии. “Если к Слободе проведут железную дорогу,– говорил Пржевальский, – непременно продам ее и не куплю другого имения в Европейской России, а поселюсь в Азии”.

Но и в этом медвежьем углу он не мог усидеть долго, тем более, что окружающая жизнь так же мало нравилась ему, как и петербургская. Вообще, нападая на цивилизацию, он отнюдь не питал пристрастия к дикарям или простонародью. Вот, например, его общий отзыв об Азии: “Для успеха далекого и рискованного путешествия в Азию необходимы три проводника: деньги, винтовка и нагайка. Деньги, потому что местный люд настолько корыстолюбив, что не задумается продать отца родного; винтовка – как лучшая гарантия личной безопасности, тем более при крайней трусости туземцев, многие сотни которых разбегутся от десятка хорошо вооруженных европейцев; наконец нагайка так же необходима, потому что местное население, веками воспитанное в диком рабстве, признает и ценит лишь грубую, осязательную силу”.

Наилучшие отзывы с его стороны заслужили монголы, имеющие, впрочем, и свои недостатки: “ограниченные умственные способности, ленивый и апатичный склад характера, трусость и ханжество”. “Притом и у них, как при сложном строе цивилизованного быта, в практической жизни обыкновенно выигрывает нравственно худший человек. Там, как и у нас, прогрессируют порок и проходимство в ущерб добрых сердечных нравственных качеств”.

В сущности он понимает превосходство европейца над дикарем и сам не раз восхваляет “могучую нравственную силу европейца сравнительно с растленной природою азиата”. Но это в Азии, а попадая в Европу и задыхаясь в условиях цивилизованной жизни, он начинает клясть позолоченную неволю и превозносить несуществующие добродетели первобытного человека.

Отзывы его о крестьянах не менее резки: “В нашей здешней жизни (в Слободе) мало утешительного. Простой народ развращен вконец; пьянство и мошенничество – нормальное состояние нравственности; честность и трезвость – редкие исключения”.

“Крестьяне, как и везде, пьяницы и лентяи: с каждым днем все хуже и хуже. К чему только это приведет?”

Вообще, если принимать за чистую монету его отзывы о людях, то можно бы счесть его за отчаянного мизантропа. Всем от него досталось! Общество офицеров и юнкеров, окружавшее его в молодости,– картежники и пьяницы, Амур – “помойная яма”, китайцы в Пекине – мошенники, а европейцы – “отъявленные негодяи”, вся Азия – “гниль”, наше время – “огульно развратное”, цивилизованное общество – мерзость, да и мужик – “развращен вконец”, словом: “весь город мошенник, один прокурор порядочный человек, да и тот, если сказать правду, свинья!..”

Пуще всего не любил он женщин, называл их фантазерками и судачницами, которые только и занимаются сплетнями, и положительно бегал от них. Живя в Николаевске-на-Амуре, он получил приглашение давать уроки приемной дочери одного из своих сослуживцев, но отказался и удовольствовался тем, что подарил ей свой курс географии с грубой надписью: “Долби, пока не выдолбишь”. “Моя профессия не позволяет мне жениться. Я уйду в экспедицию, а жена будет плакать; брать же с собою бабье я не могу. Когда кончу последнюю экспедицию, буду жить в деревне, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать мои коллекции. Со мною будут жить мои старые солдаты, которые мне преданы не менее, чем была бы предана законная жена”.

Разумеется, нельзя придавать серьезного значения этим пессимистическим взглядам. Они являлись результатом его сангвинического, пылкого характера: замечая дурные стороны той или иной среды, он, не долго думая, разносил ее вдребезги. Размышлять же и разбираться в сложных явлениях жизни, взвешивать pro и contra, отвевать зерно от мякины он не считал нужным. Частью вследствие самоуверенности, свойственной сильным людям, частью – по непривычке к чисто логическому, отвлеченному мышлению, а главное потому, что и не нужно было ему разбираться в той жизни, от которой он бежал. Бродяге всегда противен оседлый быт. Пустыня, безграничный простор, охота, жизнь, полная приключений и опасностей – вот стихия, в которой Пржевальскому дышалось легко и привольно; попадая в другую обстановку, он задыхался и не спрашивал себя, она ли, эта обстановка, так дурна, как ему кажется, или он сам не подходит к ней.

В сущности же, невоздержный язык и резкие отзывы о людях не мешали ему быть истинно добрым, приветливым, гуманным и постоянным в привязанностях человеком. Мы уже видели, как он относился к юнкерам в Варшавском училище. Отношения его к своим спутникам не менее замечательны. Никогда он не давал им поблажки, дисциплина в его отрядах царствовала железная, однако умел он возбуждать в них беззаветную преданность и усердие “не только за страх, но и за совесть”. Правда, это несколько напоминает слова солдатской песни о “командире-хвате”: “Он нас не печалит, он нас не гнетет; он за дело хвалит и за дело бьет”,– но в то же время свидетельствует о гуманном и справедливом характере. Сношения его со спутниками не прекращались с окончанием экспедиции. Он и потом вел с ними переписку, заботился о них, помогал им деньгами и советами, старался вывести в люди, входил в мельчайшие подробности их жизни.

Ягунова (спутника по Уссурийскому путешествию) он учил географии и истории, поместил в Варшавское юнкерское училище, хлопотал об его успехах; Эклона готовил к экзамену на свой счет, и так далее. Письма его к спутникам дышат отеческой нежностью. Вот, например, письмо к Эклону: “Карточек ты делай целую дюжину, если хороши будут. Пожертвуй 5 рублей; после 2 февраля я тебе пришлю денег, а если тебе они нужны, то могу сделать это и раньше. Вообще, ты можешь свободно тратить рублей 20 в месяц и не отказывать себе и в усладах. Погода в Питере подлая, хотя и теплая; в Бресте же действительно скоро наступит весна; в хорошие дни ходи гулять, смотри, как природа просыпается после зимы. Вчера получил от Бильдерлинга, хозяина маленькой винтовки, письмо: он дарит мне это ружье, а я передаю его тебе по обещанию. Если ты хочешь шить тонкое платье, то закажи его и напиши мне, в таком случае я вышлю тебе деньги около 10 февраля или на масленице. На масленице непременно кушай блины или польские пончики”.

“Жизнь самостоятельная в полку,– писал он в другом письме,– оказала на тебя уже то влияние, что ты сделался в значительной степени moncher ом. Коляски, рысаки, обширные знакомства с дамами полусвета – все это, увеличиваясь прогрессивно, может привести если не к печальному, то, во всяком случае, к нежелательному концу. Сделаешься ты окончательно армейским ловеласом и поведешь жизнь пустую, бесполезную. Пропадет любовь к природе, к охоте, ко всякому труду. Не думай, что в такой омут попасть очень трудно; напротив, очень легко, даже незаметно, понемногу. А ты уже сделал несколько шагов в эту сторону, и если не опомнишься, то

можешь окончательно направиться по этой дорожке…

Во имя нашей дружбы и моей искренней любви к тебе прошу: перестань жить таким образом. Учись, занимайся, читай – старайся наверстать хоть сколько-нибудь потерянное в твоем образовании. Для тебя еще вся жизнь впереди – не порти и не отравляй ее в самом начале. Где бы ты ни был – везде скромность и труд будут оценены,– конечно, не товарищами-шалопаями. Я тебя вывел на путь: тяжело мне будет видеть, если ты пойдешь иной дорогой… Я не говорю, чтобы ты совершенно отказался от удовольствий, но стою на том, чтобы эти удовольствия не сделались окончательной целью твоей жизни".

Любящая натура, которая так ярко отражается в этих письмах, проявлялась и во множестве мелочей, свидетельствующих о его привязанности к близким лицам. Снаряжаясь в экспедицию где-нибудь в Кяхте или Кульдже, заваленный по горло хлопотами, он находил время посылать им подарки, "услады" и тому подобное.

Не имея собственных детей, он привязался к одному мальчику-сироте, сыну соседа по имению, заботился о нем, как отец о сыне, скорбел за каждую плохую отметку, ездил сам в училище к директору, брал мальчика к себе на лето, доставлял ему всевозможные удовольствия, водил с собою на охоту; но так же усердно хлопотал – по-своему – о его моральном воспитании. И перед отъездом в экспедицию, поручая ребенка вниманию одного из своих знакомых, писал ему: "В случае же лени в науках, а тем паче несдачи экзамена, *усердно прошу драть и драть* ".

Избегая шумной общественной жизни, Пржевальский, однако, не любил полного одиночества. Кружок близких, преданных ему лиц, признававших его господство и подчинявшихся его авторитету, был почти необходимостью для него, особенно в минуты отдыха, которому он предавался с таким же увлечением, как и работе. "Под отдыхом он разумел время полного отрешения от всякой книжной мудрости, и даже от газет, и в это время обильная еда до четырех раз в день, разные лакомства, которые он называл жизненными усладами, состоявшие из ланинских напитков, водянок, фруктовых квасов, наливок, всевозможных фруктов и конфет в невероятно большом количестве" чередовались с охотой, рыбной ловлей, прогулками и прочим.

"Запевалой всех начинаний, охот, поездок в лес с самоваром, путешествий на сенокос, устройства фейерверков, хождения на пасеку за медом, устройства рыбной ловли, купаний, обливаний, шутливых деклама ций в стихах, им же сочиненных, шутливых разговоров на разные темы – был Пржевальский".

В отношении обстановки и образа жизни был он очень

неприхотлив; роскоши не любил, рысаки, бобровые шинели и прочее внушали ему отвращение. Привычка много есть и любовь к “усладам” были, кажется, единственными излишествами, которые он себе позволял.

В начале своей карьеры он хлопотал о деньгах, добывая их даже карточной игрой. Но целью этих хлопот было путешествие, а не нажива. Первая азиатская экспедиция была им совершена наполовину из собственных средств.

Но, обеспечив себе возможность дальнейших экспедиций и спокойной, скромной жизни в минуты отдыха, в промежутках между путешествиями, он перестал хлопотать о богатстве.

Свои великолепные коллекции он подарил Академии наук; значительные суммы, выручаемые за лекции, жертвовал всегда на благотворительные цели: выдавал пособия и пенсии матери, дяде, няньке и другим,—рука его не оскудевала.

Недостатки его характера – вспыльчивость, известная доза нетерпимости и деспотизма, вследствие чего человеку независимому было бы трудно иметь с ним дело – свойственны большинству людей сильных, как бы самой природою предназначенных к господству над другими. Суровая школа, которую он прошел, упорная борьба, которую ему пришлось выдержать, грубая, пьяная среда, в которой провел он свою молодость – разумеется, могли только укрепить и усилить эти недостатки.

“Сильные физические побуждения”, то есть зуботычина, нагайка, а при случае и винтовка, игравшие такую видную роль в его путешествиях, вызывали иногда упреки по его адресу. Но он прибегал к ним только в крайнем случае и не вследствие жестокости, а потому, что успех дела, которому он посвятил себя так всецело и беззаветно, ради которого принял столько трудов, лишений и опасностей – зависел, по его глубокому убеждению, от таких мер. Почти все знаменитые путешественники подвергались упрекам в жестокости, и нужно еще доказать, что экспедиция на протяжении нескольких тысяч верст, среди враждебного, подозрительного, часто и прямо разбойничьего населения, может быть совершена, если – по выражению Пржевальского– маленькая кучка путешественников не уподобится ощетинившемуся ежу, который может наколоть лапы и большому зверю.

ГЛАВА VII. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ И КОНЧИНА ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Жизнь по возвращении из четвертого путешествия. – Начало болезни. – Медаль академии. – Выставка коллекций. – Сборы в пятое путешествие. – Уныние и упадок духа. – Болезнь и смерть. – Заключение

По возвращении из четвертого путешествия Пржевальский жил большей частью в Слободе, составляя описание экспедиции. По временам приходилось ему навещать Петербург, после чего он отводил душу охотой.

“Среди лесов и дебрей смоленских,– писал он вскоре по возвращении,– я жил все это время жизнью экспедиционной, редко когда даже ночевал дома – все в лесу, на охоте за глухарями, рябчиками и прочим”.

Между тем организм его расстраивался. Неумеренность в еде вызвала ожирение, которое, в свою очередь, дурно отражалось на здоровье. Пришлось обратиться к врачебной помощи. Врач посадил его на диету! Первое время он добросовестно исполнял медицинские предписания, потом все пошло по-старому.

Поездки в Петербург, по обыкновению, сопровождались овациями и торжествами. Так, 29 декабря 1886 года Академия наук в торжественном заседании поднесла Пржевальскому медаль с его изображением и надписью: с одной стороны – *“Николаю Михайловичу Пржевальскому Академия наук”,* с другой – *“Первому исследователю природы Центральной Азии”*. Пржевальский никогда не гонялся за шумными овациями и даже недолюбливал их, но это заседание, речь академика Веселовского, восторженное отношение публики – произвели на него глубокое впечатление.

Вскоре после этого была устроена выставка его коллекций, которые сами по себе представляли целый музей.

Между тем обработка четвертого путешествия подвигалась своим чередом, и Пржевальский подумывал о пятом.

На этот раз он намеревался отправиться в Тибет через Восточный Туркестан – кратчайшим, но и самым опасным ввиду возможных столкновений с китайцами путем.

Эта экспедиция возбуждала опасения не только в китайском правительстве, которое с большой неохотой и после долгих проволочек выдало Пржевальскому паспорт, но и в английских газетах. В то время Англия была не в ладах с Тибетом, и в экспедиции Пржевальского подозревали тайную политическую

миссию со стороны русского правительства.

Как бы то ни было, все затруднения, наконец, уладились, и, покончив с описанием четвертого путешествия, Пржевальский мог выступить в путь. На этот раз экспедиция была снаряжена в более грандиозных размерах, чем прежние. В состав ее входило 25 человек; государственное казначейство выдало на расходы 80 тысяч рублей.

Но сам начальник экспедиции был уже не тот, что прежде. Злые предчувствия мучили его; он не чувствовал в себе бодрости и увлечения прежних лет. Перед самым отъездом заболела его няня, старуха Макарьевна, – заболела опасно, без надежды на выздоровление; это крайне огорчало и беспокоило его, тем более, что оставаться в Слободе и дожидаться исхода болезни было невозможно.

Уезжая, он был очень грустен; прощаясь с Макарьевной, горько плакал; вообще, теперь он совсем не походил на прежнего Пржевальского. Казалось, он идет в экспедицию нехотя, против воли, повинуясь непреодолимой силе, тянувшей его в азиатские пустыни. Когда спутники его говорили между собой, что будут делать по возвращении в Слободу, он сердился и останавливал их:

“Разве об этом можно говорить, разве вы не знаете, что жизнь каждого из нас не один раз будет висеть на волоске?”

Из Слободы он отправился в Петербург, где пробыл несколько дней. Грустное настроение духа не оставляло его и здесь. “Вот,– говорил он одному из знакомых накануне отъезда.– Никогда в жизни не плакал, а сегодня, прощаясь с Костей Воеводским (мальчик, о котором говорилось в предыдущей главе), расплакался, как баба, и не понимаю – отчего”.

Покончив все сборы, он выехал из Петербурга 18 августа 1888 года. На вокзале собралось много народа; друзья окружили Пржевальского, публика и репортеры осадили его спутников.

Когда уселись в вагоны, Пржевальский высунулся из окна и крикнул провожавшему его Ф. Д. Плеске: “Если меня не станет, возьмите обработку птиц на себя”. Поезд тронулся и скрылся из глаз провожавших, путешественники оглянулись друг на друга, и Роборовский заметил слезы на глазах Пржевальского.

– Что же! Надо успокоиться, – говорил он, точно извиняясь за свою слабость. – Едем на волю, на свободу, на труды, но труды приятные и полезные. Если поможет Бог вернуться, то снова увидимся со всеми, если же не вернемся, то все-таки умереть за такое славное дело приятнее, чем дома. Теперь мы вооружены прекрасно, и жизнь наша дешево не достанется”.

Но сколько ни старался он ободрить себя, мрачные мысли

преследовали его неотвязно.

Без сомнения, причиной этого упадка духа было физическое расстройство, которого он сам не замечал. Болезнь уже свила гнездо в его богатырском организме, но еще не могла свалить его с ног и только отражалась на его душевном настроении.

В Москве получил он известие о смерти Макарьевны, что, конечно, не могло подействовать ободряющим образом. “Роковая весть о смерти Макарьевны,– писал он,– застала меня уже достаточно подготовленным к такому событию. Но все-таки тяжело, очень тяжело. Ведь я любил Макарьевну, как мать родную… Тем дороже была для меня старуха, что и она любила меня искренне, чего почти не найти в нынешнее огульно развратное время. “Прощай, прощай, дорогая!”—так скажите от меня на ее могиле”.

24 августа он выехал из Москвы в Нижний, откуда на пароходе – по Волге и Каспийскому морю и по Закаспийской железной дороге – в Самарканд. Проведя здесь несколько дней, он двинулся дальше в Ташкент, а оттуда – в Пишпек, где остановился на довольно продолжительное время, чтобы окончательно снарядить экспедицию. Съездив в Верный для закупки китайского серебра и различных припасов, а также для того, чтобы выбрать солдат и казаков в состав экспедиции, он вернулся в Пишпек и, заметив в окрестностях города множество фазанов, отправился 4 октября на охоту. Охота оказалась очень удачной, но очень печальной по своим последствиям. Проходив целый день, он сильно вспотел и простудился. С этого дня болезнь, таившаяся в его организме, начала одолевать его. Оставаясь в Пишпеке еще несколько дней, он постоянно жаловался на жару, хотя окружающие находили температуру сносной.

Тем не менее, он продолжал ходить на охоту, выбирать верблюдов, укладывать вещи и 8 октября отправился в Караколь, откуда должно было начаться путешествие. Когда на другой день после его приезда его спутники Козлов и Роборовский явились к нему рано утром и выразили удивление, что он уже готов и успел побриться, он отвечал с каким-то странным выражением: “Да, братцы! Я видел себя сегодня в зеркале таким скверным, старым, страшным, что просто испугался и скорее побрился”.

– Завидую тебе, – прибавил он, обращаясь к Роборовскому. – Какой ты здоровый!

Странным показалось это замечание его спутникам, но вскоре они заметили, что Пржевальскому что-то не по себе; Ни одна квартира не нравилась ему: то было сыро и темно, то давили стены и потолок; наконец он переселился за город и устроился в

юрте, по-походному.

16 октября он почувствовал себя так худо, что согласился послать за врачом. Тот приехал. Больной жаловался на боль под ложечкой, тошноту, рвоту, отсутствие аппетита, боли в ногах и затылке, тяжесть в голове. Врач осмотрел его, выстукал, выслушал, прописал лекарство… Болезнь продолжала развиваться своим чередом, и 19 октября он уже сознавал, что карьера его кончена. Он отдал последние распоряжения, просил не успокаивать его ложными надеждами и, замечая слезы на глазах окружающих, называл их бабами.

“Похороните меня, – сказал он, – на берегу озера Иссык-Куль, в моей походной одежде. Надпись просто: “Путешественник Пржевальский”.

К 8 часам утра 20 октября началась агония. Он бредил, по временам приходил .в себя и лежал, закрыв лицо рукою. По выражению нижней части лица можно было думать, что он плакал. Потом встал во весь рост, окинул взглядом присутствующих и сказал: “*Ну,теперь я лягу”*…

— Мы помогли ему лечь, – говорит В. И. Роборовский, – и несколько глубоких, сильных вздохов унесли навеки бесценную жизнь человека, который для нас, для отряда, был дороже всех людей. Доктор бросился растирать его грудь холодной водой; я положил туда же полотенце со снегом, но было уже поздно: лицо и руки стали желтеть… Никто не мог совладать с собою; что делалось с нами – я не берусь и писать вам. Доктор не выдержал этой картины – картины ужасного горя; все рыдали в голос, рыдал и доктор…

Известие о смерти Пржевальского произвело сильное впечатление в нашем и западноевропейском обществе. Ученые учреждения спешили выразить свое сожаление по поводу безвременной кончины славного путешественника, наше Географическое общество открыло подписку на образование капитала и учреждение премии и медали имени Пржевальского, на могиле его воздвигнут памятник, город Караколь переименован в Пржевальск…

Мы уже говорили о результатах его экспедиций, но ими далеко не исчерпывается его значение. Не только то, что он сам сделал, но и то, что сделают другие по его следам, по его примеру, пользуясь его опытом, – будет связано с именем Пржевальского. Он сделал для Центральной Азии то же, что Стэнли для внутренней Африки: уничтожил ореол недоступности, окружавший эту громадную, неведомую область. Мало того, он с первого шага поставил дело исследования на широкую научную почву, и в этом отношении его пример, его традиции имеют еще

большее значение. Руководствуясь ими, его преемники, без сомнения, доведут до конца научное завоевание внутренней Азии, которое он начал и вел так долго и так блистательно.

ИСТОЧНИКИ

1. *Дубровин.* Н. М. Пржевальский. – СПб., 1890.

2. Памяти Пржевальского. Изд. Императорского русского Географического общества.– СПб., 1889.

3. *Весин.* Пржевальский и его путешествия;– Вестник Европы, 1889, № 7-8.

4. *Marthe.* N. M. Prschevalsky.– Verb, der Gesellsch. fur Erdkunde zu Berlin , Bd. XV, № 9.

5. *Пржевальский.* Воспоминания охотника.– Журнал охоты и коннозаводства, 1862, № 6-8.

6. *Пржевальский.* Автобиография.– Русская старина, 1888, № 11.

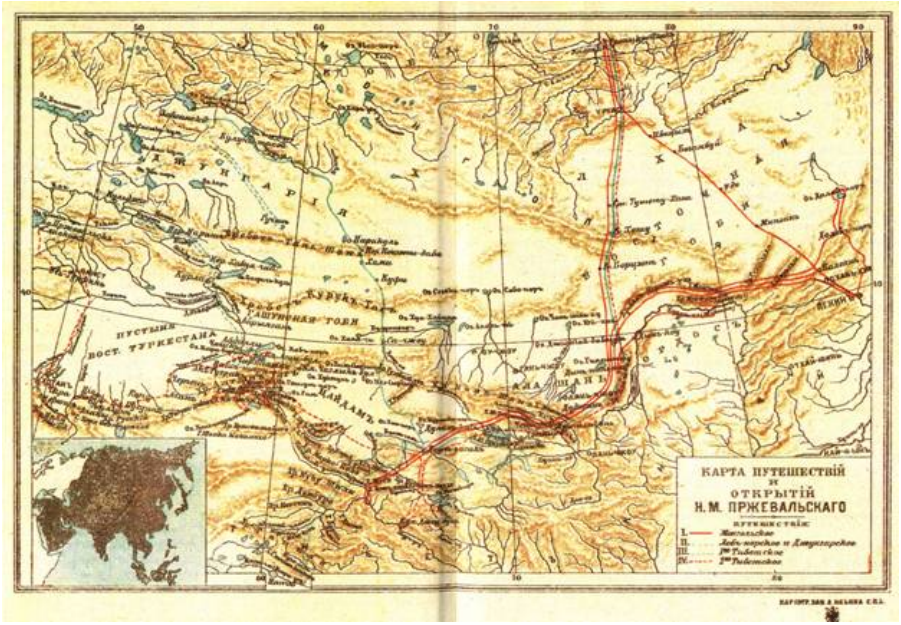
7. *Пржевальский.* Путешествие в Уссурийском крае.– СПб., 1870.

8. *Пржевальский.* Монголия и страна тангутов.– СПб., 1876.

9. *Пржевальский.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор.– СПб., 1878.

10. *Пржевальский.* Третье путешествие в Центральной Азии.— СПб., 1883.

11. *Пржевальский.* Четвертое путешествие в Центральной Азии.—СПб., 1888.



Карта путешествий и открытий Н. М. Пржевальского

notes

Примечания

1

температура дана по шкале Реомюра (1°C = 1,25°R)